

В. Особенныя познанія, необходимыя для Судебнаго Слѣдователя.

ГЛАВА VII.

О различныхъ приемахъ преступниковъ.

Въ этой главѣ мы опишемъ нѣкоторые приемы и обычаи, практикуемые обыкновенно мошенниками и преступниками. Ознакомленіе съ ними во многихъ случаяхъ поможетъ С. С. получить ясное представленіе о ходѣ событія, укажетъ ему направленіе, въ какомъ вести разслѣдованіе, и необходимыя для этого мѣры и въ самомъ худшемъ случаѣ дастъ ему понятіе о томъ, съ кѣмъ ему придется имѣть дѣло.

Изъ новѣйшихъ сочиненій по этому вопросу впервые Ф. Х. Б. Авэ-Лялеманъ («Das deutsche Gaunerthum») далъ любопытныя и цѣнныя свѣдѣнія. Многое я заимствовалъ изъ этой, нынѣ уже немного устарѣвшей, книги, но большая часть сообщаемыхъ ниже свѣдѣній добыта мною въ теченіе службы на личномъ опытѣ, изъ сообщеній другихъ лицъ, а также и изъ литературы.

1. Измѣненіе наружности.

Хотя и достаточно извѣстно, какъ часто, ловко и продолжительно практикуется мошенниками система притворства, я считаю, однако, умѣстнымъ указать, что нѣтъ такого состоянія или положенія, которое бы они не пытались либо симулировать, либо скрыть. Часто только врачъ способенъ изобличить обманъ, Судебный же Слѣдователь въ подобныхъ случаяхъ никоимъ образомъ не долженъ слѣпо довѣрять дѣлаемымъ заявленіямъ о различныхъ недугахъ и болѣзняхъ и всегда спрашивать заключенія врача.

Но бывает масса таких случаевъ, въ которыхъ помощь врача неумѣстна, или потому, что это не требуется, такъ сказать, природою случая, или потому, что ранѣе, чѣмъ понадобится участіе врача, необходимо бываетъ предпринять какое-нибудь рѣшительное и разъясняющее дѣйствіе. Къ первой категоріи относятся прежде всего тѣ многочисленные искусственные приемы притворства, къ которымъ прибѣгаетъ розыскиваемый преступникъ для того, чтобы измѣнить свою наружность сравнительно съ тѣмъ, что значится въ приказѣ о сыскѣ. Характерно при этомъ то, что преступникъ-новичекъ *сначала* совершить преступленіе и затѣмъ уже сдѣлаетъ себя неузнаваемымъ, между тѣмъ какъ бывалый преступникъ поступитъ наоборотъ. Слѣдовательно, первый скрывается въ измѣненномъ видѣ, а второй—въ своемъ естественномъ видѣ и потому находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ первый. Если преступникъ розысканъ или же находится подъ строгимъ наблюденіемъ, то его притворство изобличается, и вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняется и все дѣло.

Предположимъ, что новичекъ совершилъ мошенничество. Онъ— безъ бороды и коротко остриженъ, его преслѣдуютъ и розыскиваютъ, а онъ скрывается съ поддѣльной рыжей бородой и въ парикѣ съ длинными волосами: легко изобличить его въ этомъ, такъ какъ рано или поздно онъ долженъ снять и то и другое. Опытный же преступникъ совершаетъ мошенничество въ длинномъ парикѣ и съ фальшивой рыжей бородой; по этимъ примѣтамъ, занесеннымъ въ дѣло, онъ и розыскивается, между тѣмъ тотчасъ же по совершеніи преступленія онъ снимаетъ волосы и бороду, и при такихъ условіяхъ самый тщательный розыскъ будетъ безрезультатенъ.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ поставить за правило относиться съ недоверіемъ ко всѣмъ значащимся въ дѣлѣ особымъ примѣтамъ преступниковъ, разъ эти примѣты слишкомъ выпуклы, бросаются въ глаза; при этомъ въ сущности безразлично, искусственныя ли эти примѣты, поддѣланныя съ цѣлью стать неузнаваемымъ, или же онѣ естественны, такъ какъ во всякомъ случаѣ находящійся въ бѣгахъ постарается устранить всѣ эти особые примѣты. Если, напр., въ статьѣ о розыскѣ сказано: «възъерошенная рыжая борода», то она была или фальшивая, или же была сбрита послѣ преступленія; если сказано: «носить пенсне съ синими стеклышками», то это пенсне было взято нарочно на время совершенія преступленія и затѣмъ брошено, или же виновный всегда носилъ таковое и оставилъ его по совершеніи преступленія, хотя бы онъ и очень привыкъ къ

нему. Не имѣютъ часто значенія также и такія примѣты, какъ напр. чрезвычайно высокій голосъ, который могъ быть принятъ виновнымъ умышленно при совершеніи преступленія, или же, если этотъ голосъ у него на самомъ дѣлѣ таковъ, то во время розыска онъ постарается, часто съ большими усиліями, усвоить себѣ низкій голосъ. Такъ же легко измѣнить походку, осанку, манеры, одежду и даже ростъ.

Я помню одного обвинявшагося въ мошенничествѣ, заключавшемся въ томъ, что онъ въ банкѣ вымѣнялъ на значительную сумму купоны, оказавшіеся крайне искусно поддѣланными. Изъ примѣтъ его, которыя были указаны банкиромъ и затѣмъ опубликованы, *ни одна* не оказалась вѣрною: борода, очки, волосы, одежда, голосъ, станъ и ростъ—все было поддѣлано. Особенно удивительно было то, что по описанію онъ значился роста ниже средняго, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ оказался высокаго роста. Выяснилось, что онъ являлся въ контору въ длинной пальто, что перегородка, отдѣлявшая столъ банкира отъ публики, отъ стола до пола была сплошная (не рѣшетка), такъ что злоумышленникъ прошелъ небольшое пространство отъ двери до перегородки и обратно съ согнутыми въ колѣняхъ ногами. Вслѣдствіе этого онъ и казался всѣмъ въ банкѣ человѣкомъ низкаго роста.

Симулируются даже такія исключительныя примѣты, какъ напримеръ: хромота, неподвижная вслѣдствіе паралича рука, или какъ-нибудь изуродованная рука, и если такая примѣта занесена въ дѣло, то неопытный чиновникъ полиціи или С. С. будутъ исключительно имѣть ее въ виду и оставлять въ сторонѣ каждое подозрительное лицо, если только оно не хромаетъ, не имѣетъ иссохшей или искалѣченной руки. То же слѣдуетъ сказать и относительно родимыхъ пятенъ, бородавокъ и т. п. Я имѣлъ случай видѣть одного карманнаго вора, дѣйствовавшаго по желѣзнымъ дорогамъ, который при совершеніи одной крупной кражи наклеилъ себѣ на щеку большое родимое пятно изъ тонкой кожи при помощи столярнаго клея. Рассказываютъ объ одномъ злоумышленникѣ, похитившемъ денежный ящикъ и имѣвшемъ около глаза большую (естественную) бородавку. Послѣ кражи онъ срѣзалъ эту бородавку бритвой и началъ носить очки: снятіе было сдѣлано въ горизонтальномъ направленіи, т. е. отъ глаза къ уху, и образовавшійся вслѣдствіе этого тонкій красноватый рубецъ казался происшедшимъ отъ нажима проволоки отъ очковъ. Особенно далеко ушла въ этомъ отношеніи косметика: бородавки, пятна отъ обжога, рубцы и т. п. никакихъ затрудненій

для нея не представляют, даже родимыя пятна на кожѣ, по рецепту д-ра Paschkis (въ Вѣнѣ) легко устраняются путемъ татуировки ихъ особенными красками, въ теченіе недѣли кожа въ этихъ мѣстахъ получаетъ совершенно нормальный цвѣтъ. Понятно, что при случаѣ мошенникъ легко можетъ воспользоваться этимъ средствомъ придать красоту своему лицу.

Хорошее средство для того, чтобы исчезнувшіе рубцы сдѣлать опять видными на глазъ, было рекомендовано лѣтъ 70 назадъ де-Вержи: слѣдуетъ только по тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ предполагаются рубцы,—особенно рубцы отъ ожоговъ,—легко ударять ладонью, пока не образуется краснота на этихъ мѣстахъ и тогда рубецъ станетъ замѣтнымъ въ прежнемъ видѣ.

Какихъ превращеній можно достигнуть при помощи измѣненій цвѣта лица, конечно, извѣстно, и кто знакомъ съ превосходными качествами современныхъ косметическихъ средствъ, тотъ не долженъ удивляться, что они пользуются широкимъ распространеніемъ среди преступниковъ. Особенно легко темный, нечистый цвѣтъ кожи превратить въ нѣжный розовый; труднѣе сдѣлать наоборотъ, особенно если предполагается ввести въ обманъ кого-либо въ непосредственной близости. Я наблюдалъ однажды мастерски окрашенную кожу лица въ темный бронзовый цвѣтъ посредствомъ раствора марганцево-кислаго кали (т. наз. хамелеонъ). Этотъ составъ держится долго, исчезаетъ понемногу и нелегко смывается. Также при помощи іодистой тинктуры можно получить довольно естественный темный цвѣтъ лица.

Рядомъ съ искусственною блѣдностью симулируется и вообще болѣзненная наружность: симулянтъ ходитъ медленно, съ трудомъ, въ наклонномъ положеніи, закутываетъ шею платкомъ и постоянно и продолжительно кашляетъ. Въ особенности превосходно симулируютъ въ этомъ родѣ женщины (см. о татуировкѣ).

Скрывающемуся мошеннику тѣмъ легче прибѣгать къ уловкамъ, что ему не трудно узнать о содержаніи опубликованной о розыскѣ его статьи. Въ болѣе важныхъ случаяхъ объявленія эти помѣщаются во всѣхъ ежедневныхъ газетахъ, обыкновенно же въ полицейскихъ газетахъ, которыя въ силу самаго назначенія своего поступаютъ въ руки мелкихъ торговцевъ, скупщиковъ разнаго рода и т. п. для того, чтобы эти послѣдніе освѣдомлены были о пропавшихъ предметахъ. Отъ такихъ людей и можетъ розыскиваемый узнать о содержаніи помѣщенной о немъ публикаціонной статьи. Въ крайнемъ же случаѣ онъ можетъ обратиться даже въ судъ не-

посредственно или через знакомых подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ можетъ открыть виновнаго.

Такого рода дерзость встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и именно ею объясняется, что розыскиваемые злоумышленники такъ быстро и точно узнаютъ о содержаніи сдѣланныхъ о нихъ объявленій. Принятіе въ этомъ отношеніи какихъ-либо мѣръ предосторожности принесло бы, однако, болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ объявленія эти только тогда имѣютъ смыслъ, когда получаютъ самое широкое распространеніе. Проистекающая же отсюда опасность можетъ быть до нѣкоторой степени все-таки устранена тѣмъ, что описаніе скрывшагося преступника должно быть тщательно провѣрено и продумано, а именно: въ каждомъ случаѣ слѣдуетъ соображать, *что именно* безусловно вѣрно, или что не можетъ быть измѣнено (напр. поразительно низкій ростъ, отсутствіе какой-либо оконечности, цвѣтъ глазъ, форма носа и т. п.), и что *можетъ быть* измѣнено. Изъ выше же сказаннаго слѣдуетъ, что число примѣтъ, не подлежащихъ измѣненію, крайне не велико, и вообще полезно отнюдь не расширять и даже ограничивать это число.

Относительно же другихъ примѣтъ слѣдуетъ всегда ставить вопросъ, какимъ способомъ и въ какомъ видѣ можетъ быть сдѣланъ обманъ. Кое-что въ этомъ отношеніи можно установить болѣе или менѣе опредѣленно и соотвѣтственно исправить описаніе примѣтъ. Въ высокой степени трудною поэтому представляется дѣятельность полиціи, которая, на основаніи данныхъ примѣтъ, обязана розыскивать преступника во всемъ городѣ, въ гостинницахъ, на вокзалахъ и въ поѣздахъ жел. дорогъ, и т. д., не имѣя при томъ достаточно времени для того, чтобы въ точности провѣрить примѣты каждаго заподозрѣннаго ею человѣка, и опредѣлить, какія это примѣты, естественныя или поддѣланныя. Конечно, въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ опытности и зоркости взгляда. Гораздо легче дѣло С. С., который провѣряетъ примѣты лишь одной личности, переданной на его распоряженіе. И разъ примѣты не сходятся, то онъ все-таки прежде всего долженъ имѣть въ виду, что почти всѣ онѣ могутъ быть легко поддѣланы. Вотъ почему онъ долженъ сначала удостовѣриться, не произошло ли при составленіи описанія его примѣтъ какой-нибудь ошибки относительно *внѣшней* его характеристики, и затѣмъ уже изслѣдовать внутреннюю причину этого несходства примѣтъ, т. е. нѣтъ ли въ отношеніи ихъ обмана со стороны задержаннаго лица. Въ подобныхъ вопросахъ отнюдь не слѣ-

дуетъ полагаться на собственное убѣжденіе, что будто бы обманъ невозможенъ и всегда прибѣгать къ содѣйствию свѣдущихъ лицъ.

Неоднократно случалось мнѣ признавать невозможными нѣкоторыя метаморфозы и только, приглашая врача, дантиста, ортопедиста, бандажиста, парикмахера и опытную относительно употребленія косметикъ и пныхъ туалетныхъ средствъ даму, я убѣдился въ ошибочности моего взгляда. Каждый опытный бандажистъ сумѣетъ выяснитъ, какъ напр. искусственнымъ образомъ скрывать, или производить искривленія хребетной кости, горбы, отростки, ненормальныя искривленія ногъ и т. п., и каждый свѣдущій театральнѣй парикмахеръ обладаетъ средствами для всевозможныхъ измѣненій фізіономіи человѣка.

2. Ложное показаніе о званіи и имени.

Величайшее затрудненіе для чиновъ полиціи и С. С. представляютъ ложныя показанія преступниковъ о своемъ званіи и имени, и кто знакомъ на дѣлѣ съ этими затрудненіями и проистекающимъ отсюда зломъ, тотъ не станетъ иронизировать надъ предложеніемъ, вызваннымъ ни болѣе, ни менѣе, какъ чувствомъ отчаянія, начертать какимъ-нибудь безболѣзненнымъ способомъ неизгладимыя знаки (имя и фамилію) на менѣе замѣтной части тѣла не только наказаннаго по суду преступника, но и вообще **каждаго** человѣка. Но такъ какъ это смѣлое предложеніе едва ли имѣетъ надежды на осуществленіе, то приходится изыскивать другія средства борьбы съ ухищреніями преступниковъ, заподозрѣнныхъ въ сокрытіи своего имени. Никто не станетъ ради шутки или вслѣдствіе какихъ-нибудь незначительныхъ проступковъ выдавать себя подъ чужимъ именемъ, такъ что сокрытіе имени само по себѣ является обстоятельствомъ, навлекающимъ на виновнаго серьезныя подозрѣнія.

Такими лицами обыкновенно бываютъ или бѣжавшіе изъ подъ стражи, или скрывающіе за собой какое-либо тяжкое преступленіе, или же тѣ, которые, присвоивъ себѣ какое-нибудь знатное имя или титулъ, пользуются имъ для вовлеченія въ обманъ легковѣрныхъ людей. Иногда у одного какого-либо лица имѣются сразу двѣ причины изъ указанныхъ скрывать свое настоящее имя, а иногда и всѣ три. Само собой разумѣется, кромѣ системы Бертильона и дактилоскопіи, не существуетъ такого радикальнаго средства, которое неизбѣжно приводило бы къ обнаруженію дѣйствительнаго имени

злоумышленника, но различными окольными путями можно (и далеко не так рѣдко, какъ это кажется) почти всегда придти къ этому результату, при условіи нѣкотораго труда.

Прежде всего слѣдуетъ узнать, имѣеть ли подозрительная личность какой-нибудь письменный документъ. Если онъ имѣется, то его нужно подвергнуть сначала объективному изслѣдованію для опредѣленія, подложенъ ли онъ цѣликомъ, или только въ какой-нибудь части (см. главу «О подлогѣ документовъ»). Если документъ окажется подложнымъ весь или по крайней мѣрѣ относительно имени и другихъ свѣдѣній о личности задержаннаго, то слѣдуетъ въ дальнѣйшемъ поступать такъ, какъ будто у этого лица никакого письменнаго документа и не было. Если же окажется, что документъ выданъ изъ какого-нибудь учрежденія, то, быть можетъ, представится возможнымъ узнать, для кого именно этотъ документъ былъ выданъ, и если настоящій владѣлецъ документа будетъ обнаруженъ, то слѣдуетъ узнать, гдѣ и какимъ образомъ онъ былъ имъ утраченъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, всѣ указанная въ свидѣтельствѣ примѣты должны быть тщательно провѣрены: ростъ, наружность, волосы и т. д. и въ особенности указанное въ документѣ ремесло; вообще профессиональныя знанія задержаннаго должны быть провѣрены черезъ свѣдущее лицо. Этимъ способомъ можно установить, что владѣлецъ документа неправильно имъ пользуется, вопреки его утвержденію ¹⁾. Если же у арестованнаго не имѣется письменнаго вида или на предъявленномъ окажется ложное имя, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что почти всегда называющій себя вымышленнымъ именемъ подыскиваетъ такое имя, которое созвучно съ его дѣйствительнымъ именемъ или имѣеть съ нимъ нѣкоторую связь. Въ этомъ сказывается своеобразное, но часто наблюдаемое, упорное желаніе не разставаться съ своимъ настоящимъ именемъ, напр. часто сохраняютъ имя, измѣняютъ же только фамилію.

Приведу нѣкоторые примѣры изъ моей практики: фамилія Sonnenberg была превращена въ Sternthal, Maudis измѣнено путемъ перестановки буквъ въ Dasumi, Maller—въ Rellam, Mandl (Mann—vir)—въ Viri; Mundinger (Mund—Maul, Ding—Sache)—въ Maulsacher. Разгадать дѣйствительныя имена по такихъ передѣлкамъ очень трудно. Мнѣ удалось раскрыть изъ всѣхъ перечисленныхъ

¹⁾ Въ Берлинѣ профессиональные воры обыкновенно при совершеніи кражи похищаютъ и документы потерпѣвшихъ,—и на имя ихъ похищенное закладываютъ въ ссудныхъ кассахъ.

только—Dasumi, и затѣмъ я догадывался относительно измѣненія Maulsacher, смыслъ же остальныхъ былъ понятъ мною, лишь когда выяснились настоящія имена.

Въ одномъ случаѣ обвиняемый назвался фамиліей матери своей до замужества, въ двухъ случаяхъ—именемъ незаконнаго отца съ небольшими измѣненіями (Hohnmaier вмѣсто Hollmaier, Kreuziger вмѣсто Kranziger), и наконецъ одинъ обвиняемый вмѣсто фамиліи присвоилъ себѣ названіе мѣста, въ которомъ онъ родился.

Какъ поступать для того, чтобы раскрыть настоящее имя задержаннаго, опредѣляется обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая ¹⁾. Но существуютъ и нѣкоторыя общія правила, какъ дѣйствовать въ такихъ случаяхъ. Такъ, съ подобныхъ лицъ слѣдуетъ снимать фотографическіе снимки, такъ какъ они обыкновенно отбывали наказаніе и содержались подѣ стражей; затѣмъ эти снимки, съ приложеніемъ точнаго описанія примѣтъ (особенности какихъ-либо знаковъ на тѣлѣ, татуировки), препровождать во всѣ тѣ мѣста заключеній, въ которыхъ задержанный содержался,—какъ можно судить по его произношенію.

Если установленіе личности задержаннаго имѣетъ важное для дѣла значеніе, то не слѣдуетъ жалѣть времени для этого. Весьма полезнымъ въ моей практикѣ оказывалось выслушивать подробные рассказы такого задержаннаго о его прошлой жизни.

Такіе люди по большей части много путешествовали и много видѣли по бѣлому свѣту. Подчасъ они весьма словоохотливы и даютъ подробнѣйшія описанія о своихъ мытарствахъ и жизненныхъ испытаніяхъ. Обыкновенно рассказы ихъ носятъ такой характеръ: родились они на какомъ-нибудь кораблѣ, или въ цыганскомъ таборѣ, во время какого-то путешествія или перекочевки: вообще появленіе ихъ на свѣтъ совершилось въ необычныхъ условіяхъ. Затѣмъ они попадали въ труппу странствующихъ актеровъ, акробатовъ, въ странствующій циркъ или даже къ вожатымъ медвѣдей и т. п. и съ ними скитались повсюду. Потомъ они служили у торговцевъ скотомъ или лошадьми, или служили на морскихъ пароходахъ. Пароходы эти носятъ обыкновенно самыя безразличныя имена («Св. Марія», «Венеція» и т. п.), капитанъ ихъ обыкновенно или уже умеръ, или остался въ Америкѣ, или же былъ очень неаккуратный человекъ и вель книги самымъ беспорядоч-

¹⁾ Все нижеслѣдующее излагается лишь на тѣ случаи, когда система Бертильона не дала положительнаго результата.

нымъ образомъ, — такъ что по даннымъ разсказамъ не представляется возможнымъ установить, служилъ ли тамъ разсказчикъ.

Всѣ эти подробности заносятся или еще лучше (незамѣтно отъ разсказчика) стенографируются. Мало-по-малу удается въ нихъ уловить крупницу истины: сначала описанія странъ и людей, которыхъ онъ видѣлъ, потомъ его отношенія къ нимъ и, наконецъ, воспоминанія о его прошлой жизни, несомнѣнно, заключаютъ въ себѣ долю правды. По окончаніи допроса С. С. долженъ по возможности тщательно провѣрить весь его разсказъ о мѣстахъ, которыя онъ посѣтилъ, о людяхъ, которыхъ онъ видѣлъ, и объ условіяхъ ихъ жизни по его описанію, провѣрить по книгамъ извѣстныхъ путешественниковъ и т. п. При слѣдующемъ допросѣ полезно предложить обвиняемому разсказать о жизни его еще подробнѣе и точнѣе. Тогда еще ближе можно подойти къ истинѣ: можетъ быть, комбинируя разсказы его, удастся отгадать, каково его настоящее ремесло, занятіе, званіе его и сословіе. Въ то же время можно опредѣлить по его произношенію и рѣчи мѣсто его происхожденія, для чего полезно пригласить лицо, знающее мѣстныя нарѣчія. Если, напр., по произношенію его можно принять за сѣверо-германца, то можно пригласить именно такое лицо, которое укажетъ по крайней мѣрѣ опредѣленный округъ сѣверной Германіи. Затѣмъ слѣдуетъ заставить ихъ обоихъ педъ какимъ-либо предлогомъ вступить въ разговоръ и если приглашенный—смѣтливъ, то съумѣетъ узнать, какія мѣстности округа наиболѣе извѣстны обвиняемому и если случай поможетъ, то предѣлы мѣстности для собранія свѣдѣній еще съуживаются. Если описанный способъ не приведетъ къ должному результату, то слѣдуетъ снестись съ полицейскими учрежденіями той страны или мѣстности, откуда предполагается обвиняемый, разослать фотографическія его карточки, описаніе примѣтъ и прочія добытыя свѣдѣнія (предполагаемое ремесло, путешествія и пр.).

Да будетъ позволено мнѣ разсказать здѣсь весьма поучительный случай изъ моей практики.

Я служилъ одно время въ небольшомъ городкѣ, въ трехъ миляхъ отъ котораго былъ расположенъ всемірно-извѣстный курортъ. Какъ-то утромъ я по дѣламъ службы пріѣхалъ въ этотъ курортъ и быстро окончилъ свое дѣло. Но такъ какъ лошадь моя потеряла подкову и единственный хорошій кузнецъ, которому я могъ довѣрить лошадь, куда-то отлучился, то я долженъ былъ остаться въ курортѣ до вечера. Бургомистромъ и правительственнымъ инспекторомъ курорта былъ одинъ кавалерійскій въ отставкѣ офи-

церь, принадлежавшій къ древнему аристократическому роду и занимавшій должность для препровожденія времени. Онъ былъ очень образованъ, уменъ и сохранилъ юношескую энергію духа. Въ обществѣ его я и провелъ тотъ день, и вотъ онъ обратилъ мое вниманіе на одну странную личность, появившуюся съ нѣкотораго времени въ курортѣ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, довольно симпатичной наружности, изысканно одѣтый и даже слишкомъ изысканно. Онъ завелъ знакомство съ самымъ лучшимъ обществомъ курорта, не лечился и тратилъ массу денегъ. Называлъ онъ себя барономъ ф. Ф. изъ Ганновера, но мой пріятель, весьма дорожившій репутацией курорта, находилъ, что онъ «кажется не вполне честнымъ». Мы рѣшили посвятить этотъ день наблюденіямъ за нимъ, были въ паркѣ, курзалѣ, ресторанѣ, въ кофейной, вездѣ, гдѣ онъ былъ, и находили его поведеніе дѣйствительно страннымъ. Онъ бѣшено тратилъ деньги и не для того, чтобы купить что либо, а потому, что ему доставляло удовольствіе это бросаніе денегъ. Между тѣмъ это есть вѣрный признакъ необразованнаго человѣка, который получилъ деньги безъ труда и потому не дорожитъ ими, который или выигралъ ихъ, или получилъ въ наслѣдство, ранѣе же испытывалъ крайнюю нужду,—или же, наконецъ—вѣрный признакъ человѣка, пріобрѣвшаго деньги нечестнымъ путемъ. Затѣмъ бросалось въ глаза, что этотъ господинъ слишкомъ часто и настойчиво говорилъ о своемъ благородномъ происхожденіи, причѣмъ среди его развязной веселости по временамъ проскальзывала нѣкоторая неувѣренность, почти робость.

Все это было въ высшей степени характерно и любопытно, такъ что мы продолжали наши наблюденія, насколько могли, долго и пришли къ такому заключенію. что этотъ господинъ, по всей вѣроятности, растрчиваетъ только что полученное наслѣдство послѣ скупого отца и, быть можетъ, только для большаго шика называетъ себя громкимъ аристократическимъ именемъ.

Я уже успѣлъ забыть объ этомъ случаѣ, какъ «баронъ ф. Ф...» былъ доставленъ ко мнѣ арестованнымъ по распоряженію полицейскаго чиновника. Этотъ послѣдній замѣтилъ, что ф. Ф. въ послѣднее время сталъ вести очень крупную игру, и потребовалъ отъ него документа о личности. ф. Ф. объявилъ, что лица высокаго общественнаго положенія, къ которымъ онъ принадлежитъ, не всегда имѣютъ привычку брать съ собой виды на жительство; болѣе онъ съ чиновникомъ не разговаривалъ и хотѣлъ уѣхать на другое же утро изъ курорта. Это внезапное рѣшеніе непосредственно вслѣдъ

за требованіемъ паспорта показалось офицеру очень подозрительнымъ, онъ арестовалъ этого господина и препроводилъ ко мнѣ. Вначалѣ я не былъ очень доволенъ такимъ энергичнымъ образомъ дѣйствій полицейскаго чиновника, потому что даже не могъ дать удовлетворительный отвѣтъ на упорный вопросъ арестованнаго, что онъ сдѣлалъ преступнаго. Онъ велъ себя очень прилично, но въ высшей степени возмущался нанесеннымъ ему оскорбленіемъ, постоянно говорилъ о посольствѣ, передъ которымъ я долженъ буду дать объясненіе, и которое можетъ причинить мнѣ крупныя непріятности. Нѣсколько успокоившись, онъ, наконецъ, объяснилъ мнѣ, что отецъ его былъ землевладѣльцемъ въ Ганноверѣ, семья его непосредственно происходитъ отъ Генриха Льва и находится въ тѣсной дружбѣ со всѣми тѣми дворянскими семьями, которыя тогда еще у всѣхъ были въ памяти (это было вскорѣ послѣ присоединенія Ганновера къ Пруссіи). Послѣ присоединенія Ганновера его семейство будто бы эмигрировало изъ отечества и съ той поры постоянно путешествуетъ. Все это было рассказано имъ довольно натурально и основательно и, насколько я могъ судить, дѣйствительно ганноверскимъ діалектомъ. Нѣсколько сомнительнымъ казалось мнѣ то обстоятельство, что онъ ни за что не хотѣлъ назвать мнѣ тѣхъ лицъ, къ которымъ я могъ бы обратиться по телеграфу съ запросомъ относительно его личности. Ему будто бы крайне совѣстно, что его высокопоставленные родные и знакомые получаютъ запросъ отъ судебной власти, это можетъ повредить его будущности и т. п. И такъ какъ онъ совершенно невиненъ ни въ чемъ, то онъ, конечно, будетъ скоро освобожденъ; поэтому онъ предпочитаетъ лучше остаться пока подъ арестомъ, нежели кому либо телеграфировать. Это мнѣ показалось страннымъ, и я началъ спрашивать его о гербѣ его рода. Нѣсколько смутившись, онъ объяснилъ такъ: наверху имѣется шлемъ, внизу щитъ, кругомъ «арабески» и при томъ очень много золота и серебра. Болѣе подробныхъ свѣдѣній—о драгоцѣнномъ камнѣ въ шлемѣ, о цвѣтѣ фона и т. п.—онъ не былъ въ состояніи дать. Это уже было совсѣмъ невѣроятно, чтобы «легитимистъ», вмѣстѣ съ своимъ королемъ покинувшій отечество, не зналъ своего дворянскаго герба, и я рѣшилъ, что онъ лжетъ. Къ счастью, мнѣ удалось достать такъ называемый «Готскій альманахъ дворянскихъ фамилій», въ которомъ я дѣйствительно нашелъ фамилію бароновъ фонъ Ф..., но Отто ф. Ф., какъ называлъ себя задержанный, въ немъ не оказалось. Остальныя показанія его относительно другихъ членовъ этого рода въ общемъ были согласны, но заклю-

чали въ себѣ такія неточности и неправильности, которыхъ уже нельзя было предполагать отъ дѣйствительнаго члена этой фамиліи. Послѣ этого я уже безъ колебаній оставилъ его подъ стражей, несмотря на его возраженія и угрозы посольствомъ. Но что же было дѣлать далѣе? Пока было доказано, что онъ солгалъ и принялъ чужое имя, но не было еще никакихъ данныхъ о томъ, что онъ совершилъ какое нибудь тяжкое преступленіе, которое оправдывало бы принятую противъ него мѣру обезпеченія личности. Измышляя выходъ изъ этого положенія, я вспомнилъ, что въ моемъ городѣ проживаетъ старый токаръ, уроженецъ Мекленбурга; пригласивъ его, я при немъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ арестованнымъ. Честный токаръ далъ заключеніе, что, хотя «баронъ» и говоритъ на ганноверскомъ нарѣчій, но онъ тѣмъ не менѣе считаетъ его за уроженца Гамбурга, съ діалектомъ котораго мой экспертъ знакомъ съ ранняго дѣтства. Вслѣдствіе этого, я немедленно послалъ фотографическія карточки задержаннаго съ точнымъ описаніемъ его примѣтъ и другими свѣдѣніямъ въ Гамбургъ, Ганноверъ, Бременъ, Люнебургъ, Ольденбургъ и т. д. и черезъ недѣлю получилъ сообщеніе, что задержаннаго зовутъ Отто Х., что онъ имѣетъ трактирное заведеніе близъ Гамбурга и розыскивается по обвиненію въ убійствѣ въ гор. Оснабрюкѣ и въ совершеніи крупной кражи цѣнныхъ бумагъ въ Дрезденѣ. Дальнѣйшее слѣдствіе обнаружило, что его мать служила прежде служанкой въ домѣ бароновъ ф. Ф. и слѣдовательно хорошо могла знать ихъ семейныя отношенія. Его же личное имя Отто оказалось правильнымъ.

Случай этотъ доказываетъ, что иногда Готскій альманахъ дворянскихъ родовъ можетъ быть полезнымъ ¹⁾: въ подобныхъ случаяхъ могутъ сослужить службу также и издаваемые Фридрихомъ Ирргангомъ въ Брюнѣ «Генеалогическія памятные книжки дворянскихъ родовъ», заключающія въ себѣ списокъ всѣхъ дворянскихъ фамилій Германіи и Австріи.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и геральдики, которой до сего времени въ нашемъ дѣлѣ вовсе не придавалось значенія. На найденныхъ предметахъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, бумагахъ или документахъ, при трупахъ убитыхъ и при задержанныхъ неизвѣстнаго званія лицахъ нерѣдко находятъ кольца, табакерки, бумажники, почтовую бумагу и т. п. съ изображеніемъ

¹⁾ Здѣсь опущены подробности, касающіяся пользованія этимъ альманахомъ.
Прим. перев.

герба,—и этот-то гербъ можетъ повести къ обнаруженію личности убитаго или задержаннаго. Не должно въ такихъ случаяхъ успокаивать себя такимъ отговоркамъ: «кто его разберетъ, этотъ гербъ». Почти въ каждомъ городѣ найдется, по крайней мѣрѣ хотя одинъ, знатокъ геральдики, у котораго найдутся и нужные сборники. Въ крайнемъ же случаѣ слѣдуетъ обращаться въ какія-нибудь изъ геральдическихъ обществъ.

Кромѣ діалекта, на которомъ говоритъ задержанный и который почти всегда можетъ обнаружить происхождение незнакомца, существуетъ лишь очень немного способовъ, могущихъ повести къ той же цѣли. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить въ этомъ отношеніи судебно-медицинское освидѣтельство задержаннаго (всего его тѣла), которое можетъ иногда обнаружить характерныя примѣты, напр. какія-нибудь уродства, пороки, обрѣзаніе, знаки татуировки на рукахъ или груди. Эти послѣдніе знаки иногда могутъ имѣть важное значеніе, такъ какъ они или представляютъ начальныя буквы его имени и фамиліи, или же обнаружатъ принадлежность его къ чинамъ арміи или флота.

Часто представляется возможнымъ по нѣкоторымъ признакамъ выяснить личность, которые указываютъ на ремесло или занятіе задержаннаго. Такъ напр., у столяра, вслѣдствіе постоянной работы рубанкомъ, можно наблюдать ассиметричность тѣлосложенія, у сапожниковъ и портныхъ вслѣдствіе сидячей работы въ согнутомъ положеніи замѣчается сутуловатость, у парикмахеровъ одно плечо бываетъ выше другого, т. к. они работаютъ одной рукой въ приподнятомъ положеніи, между тѣмъ какъ другая остается спокойною и ниже первой. Выдающееся значеніе имѣютъ мозоли и затверденіе кожи, прибрѣтенныя долгою физическою работою. Феликсъ Германъ въ одной статьѣ «La photographie judiciaire» указалъ на важность подобныхъ затвердѣній кожи, равно какъ и на то, что эти мозоли въ большинствѣ случаевъ трудно замѣтить на тѣлѣ, но при фотографированіи онѣ обнаруживаются. Какъ примѣры приводятся, мозоли на внутренней сторонѣ пальцевъ у извозчиковъ отъ вожжей, у граверовъ, рѣзчиковъ и подобныхъ ремесленниковъ—затвердѣнія кожи между большимъ и указательнымъ пальцами вслѣдствіе нажиманія рѣзца; у сапожника—мозоли на правомъ большомъ пальцѣ съ внутренней стороны и на верхней части бедра; у рабочихъ большихъ типографій, связывающихъ пачки шрифта, затвердѣніе кожи на мякишѣ мизинца вслѣдствіе обматыванія руки шнуромъ; у лицъ, много пишущихъ, мозоли на среднемъ пальцѣ правой руки

вслѣдствіе нажиманія пера или карандаша и еще утолщеніе кожи на лѣвомъ локтѣ.

Къ перечисленнымъ лицамъ можемъ добавить: у швей—кожа на указательномъ пальцѣ лѣвой руки имѣетъ видъ истыканной; у выдувающихъ стеклянные издѣлія имѣются весьма развитыя скуловые мускулы и даже замѣчается обвисаніе щекъ; любители кегельной игры имѣютъ мозоль на среднемъ пальцѣ правой руки около ногтя (вслѣдствіе соскальзыванія тяжелаго шара); у бѣздышихъ верхомъ кожа утолщается на внутренней сторонѣ котѣнъ, вслѣдствіе прижиманія къ сѣдлу; у маляра выступаютъ тѣ мѣста ладони, въ которыя онъ упираетъ во время работы кисть—и такъ, почти каждое ремесло оставляетъ свои слѣды, — которые, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ дать по дѣлу указанія: эти признаки слѣдуетъ отыскать, фотографировать и разъяснить при помощи свѣдущихъ лицъ.

Точно также важенъ тщательный осмотръ одежды задержаннаго, при чемъ, само собой разумѣется, особое вниманіе слѣдуетъ обращать на швы и даже распарывать такія мѣста, въ которыхъ матерія сшивается въ два слоя, напр. воротникъ, поясъ, верхній край брюкъ: въ этихъ мѣстахъ нерѣдко можно найти разныя бумаги, письма, записки и даже документъ о личности. Такимъ путемъ одинъ разъ у подобной личности случилось обнаружить довольно курьезную находку. Въ шляпѣ его подъ подкладкой оказалась полоска сложенной газетной бумаги, какъ это обыкновенно дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, если шляпа слишкомъ широка. На этомъ газетномъ лоскутѣ, сильно загрязненномъ и пропитанномъ потомъ, оказался напечатаннымъ судебный отчетъ объ уголовномъ дѣлѣ, имѣвшемъ мѣсто нѣсколько лѣтъ назадъ: о разбоѣ, совершенномъ на дорогѣ двумя мужчинами, изъ которыхъ розысканъ былъ только одинъ; «его сообщникъ, какъ значилось въ отчетѣ, бѣжалъ и до сего времени не могъ быть розысканъ». Въ началѣ все это было сочтено случайностью, и задержанный совершенно непринужденно рассказалъ, что онъ будто бы былъ школьнымъ товарищемъ этого осужденнаго за разбой и, когда ему совершенно случайно попалъ въ руки этотъ судебный отчетъ по его дѣлу, то онъ сдѣлалъ себѣ полоску для шляпы, нѣсколько широкой для его головы. При этомъ онъ выражалъ глубокое сожалѣніе о горестной участи своего товарища, такъ рано попавшаго на путь преступленія. На всякій случай этотъ клочекъ газеты, фотографическій снимокъ задержаннаго съ точнымъ описаніемъ всѣхъ примѣтъ его были пре-

провожены въ тотъ судъ, въ которомъ разсматривалось помянутое дѣло о разбоѣ; тогда оказалось, что задержанный именно и есть другой, скрывшійся обвиняемый. Онъ вскорѣ и сознался въ этомъ преступленіи, объяснивъ, что онъ хранилъ при себѣ листокъ газеты, «интересуясь своимъ дѣломъ».

О другомъ случаѣ сообщено было въ сентябрѣ 1903 во всѣхъ газетахъ: въ Парижѣ оказался убитымъ нѣкій Лапо и убійцу вначалѣ не могли обнаружить. Нѣсколько недѣль спустя, въ одномъ изъ общественныхъ садовъ Парижа былъ усмотрѣнъ спящій на одной скамьѣ мужчина, изъ кармана котораго выпала пачка вырѣзокъ изъ газетъ. Ихъ поднялъ полицейскій и, просмотрѣвъ ихъ, убѣдился, что выписки эти относились всѣ къ дѣлу Лапо. Онъ разбудилъ спавшаго, который тутъ же при допросѣ, съ просонковъ, сознался въ убійствѣ Лапо.

Существуетъ еще способъ для обнаруженія личности преступника,—способъ психологическій, примѣненіе котораго хотя и сопряжено съ значительными трудностями, можетъ иногда сопровождаться успѣхомъ. Но опредѣленныхъ правилъ для примѣненія этого способа, само собой разумѣется, дать нельзя. Необходимо только по возможности зорко наблюдать за человѣкомъ, изучать его душевныя качества, проникнуть въ его внутреннюю жизнь и затѣмъ умѣть воспользоваться обнаруженными качествами. Много значитъ при этомъ, конечно, случай. Такъ, однажды ко мнѣ явился агентъ сысѣльной полиціи и просилъ разрѣшить ему свиданіе съ однимъ задержаннымъ, личность котораго была еще не выяснена,—такъ какъ онъ подозрѣвалъ его въ крупной растратѣ. Онъ и вступилъ затѣмъ въ бесѣду съ этимъ неизвѣстнымъ господиномъ. Заподозрѣнный зналъ уже объ этой растратѣ и, когда замѣтилъ, что его считаютъ за вора, внезапно вскочилъ и заявилъ, что лучше ужъ онъ признается въ бѣгствѣ изъ смирительнаго дома, гдѣ онъ содержался за убійство, но не допустить, чтобы его считали за вора.

Описанные здѣсь способы для обнаруженія личностей мошенниковъ, скрывающихъ состояніе свое или имя, одинаково примѣнимы и въ часто встрѣчающихся случаяхъ съ мошенниками, такъ сказать, высшей пробы, представляющими чрезвычайныя затрудненія для С. С. Сюда принадлежатъ лица, которыя умѣютъ придать себѣ свѣтскую внѣшность людей хорошаго круга, для того, чтобы подъ этой маской совершать мошенничества, кражи и растраты. По

преимуществу это—люди, въ молодости получившіе хорошее образование, или по меньшей мѣрѣ имѣвшіе случай пріобрѣсти вышній лоскъ такого образованія. Почти безъ исключенія они отличаются даровитостью, изворотливостью и смѣлостью; съ наклонностями сибарита, они питаютъ отвращеніе къ всякому правильному труду. Какъ именно дѣйствуетъ такой мошенникъ, достаточно извѣстно изъ газетъ, услужливо сообщающихъ всѣ подобныя случаи. Изысканно одѣтый, онъ появляется къ ювелиру и совершаетъ кражу во время выбора драгоценныхъ вещей будто бы для покупки, или велитъ доставить избранную имъ вещь въ гостинницу, откуда онъ съ этой вещью скрывается черезъ какую-нибудь другую комнату; онъ является къ банкиру и забираетъ деньги по подложному чеку; онъ сумѣетъ проникнуть и въ благородный клубъ и, надѣлавъ въ немъ массу долговъ, исчезаетъ; онъ—шулеръ, но ведетъ лишь крупную игру; онъ сватается за богатую невѣсту (иногда за нѣсколькихъ одновременно) и, заполучивъ кое-что впередъ отъ будущаго тестя, скрывается; онъ покупаетъ дома, имѣнія, не платя за нихъ, закладываетъ ихъ и также исчезаетъ; онъ входитъ въ компаньоны крупнаго дѣльца и дѣлаетъ долги отъ его имени. Однимъ словомъ, онъ умѣетъ искусно пользоваться слабостью человѣка поддаваться оболъщенію громкаго имени, изысканнаго костюма, чрезвычайной самоувѣренности; онъ знаетъ, что никогда не переведутся глупцы, и поэтому онъ живетъ на ихъ счетъ, пока не попадется.

Имѣть дѣло съ такими людьми для С. С. особенно затруднительно, если противъ нихъ не собрано достаточно уликъ, и С. С. опасается сдѣлать ошибку, арестовавъ, быть можетъ, невинное лицо. Кромѣ того потерпѣвшія лица не всегда объявляютъ о совершенныхъ надъ ними мошенничествахъ, изъ чувства стыда за свою наивность; если же дѣло возникаетъ помимо жалобы, то они затрудняютъ работу С. С. своею скрытностью или же давая показаніе въ пользу обвиняемаго. Повторяю, что вѣрнѣйшее и даже единственное средство въ такихъ случаяхъ—подмѣтить въ подобной личности что-либо «не натуральное». Въ чемъ бы то ни было, но эта «неестественность» проявится непременно и почти всегда очень скоро: въ наружности, въ одеждѣ, въ манерѣ держать себя, въ походкѣ, въ разговорѣ, въ самой лжи его скажется противорѣчіе или фальшь, и тогда С. С. можетъ съ спокойнымъ духомъ приступить къ слѣдствію. Тальми (металль, похожій на золото), богемскіе кораллы и поддѣльный горнотай могутъ быть приняты за дѣйствительные только издали, и то неопытными людьми. Такъ и подозрительный субъектъ

предстанеть передъ нами во всей наготѣ, если только заставить его со всѣми подробностями рассказать о прежней его жизни: все не естественное, неправдоподобное и дѣланное обнаружится очень скоро, остальное довершатъ телеграфъ, фотографія, система Бертильона и при извѣстныхъ условіяхъ родословные сборники.

Время, необходимое для установленія личности задержаннаго, никогда не слѣдуетъ считать потеряннымъ, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ разясняется въ значительной степени и самое преступленіе, ради котораго онъ задержанъ. Если, положимъ, называющій себя титулованной особой X надѣлалъ большіе долги, то мошенничество будетъ несомнѣннымъ, если окажется, что эта особа—темная и несостоятельная личность; и если называющая себя графиней Y и заподозрѣнная въ шулерствѣ окажется обыкновенной кокеткой, то доказать наличность шулерства уже не трудно.

Поэтому въ каждомъ случаѣ, когда С. С. имѣетъ передъ собою мошенника высшей пробы, независимо отъ установленія собственно событія преступленія, величайшія усилія слѣдуетъ прилагать именно къ выясненію собственно личности обвиняемаго.

Вообще слѣдуетъ поставить себѣ за правило иногда не ограничиваться собраніемъ официальныхъ справокъ объ имени задержаннаго. Въ нашихъ справкахъ о судимости много значитъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ, по которымъ опаснѣйшіе преступники подверглись незначительнымъ наказаніямъ лишь потому, что они, опозоренные прежнему судимостью,—скрывъ ее, присвоили себѣ имя ранѣ несудимагося лица. Лучше всего удастся имъ это въ тѣхъ случаяхъ, если они выдали себя за живое лицо, документы котораго ими, можетъ быть, были похищены, и при томъ лицо судимостью неопороченное. С. С. собираетъ надлежащія свѣдѣнія и получаетъ самыя успокоительныя справки о прежней жизни этого лица; и на долю настоящаго носителя этого имени выпадаетъ трудъ смыть съ себя позоръ состоявшагося судебного о немъ приговора.

Въ подобныхъ случаяхъ единственное средство состоитъ въ самомъ внимательномъ наблюденіи надъ задержанною личностью: человекъ судимый, рецидивистъ представляетъ собою типъ настолько отличный и замѣтный, что опытный С. едва ли можетъ быть введенъ имъ въ заблужденіе; и при малѣйшемъ подозрѣніи о томъ, что задержанный присвоилъ себѣ чужое имя, слѣдуетъ приложить къ бумагамъ съ запросомъ, отсылаемой на родину, хорошую его фотографическую карточку, и почти всегда удастся такимъ способомъ выяснитъ, насколько справедливо объясненіе задержаннаго. При-

веду изъ моей практики одинъ случай: одинъ кузнецъ, въ общемъ довольно честный малый, обвинявшійся въ причиненіи поврежденій въ дракѣ, объяснилъ при допросѣ, что ранѣе не былъ судимъ. Между тѣмъ по собраннымъ справкамъ онъ значился отбывшимъ наказаніе за двѣ кражи со взломомъ. Тѣмъ не менѣе онъ отрицалъ свою судимость и когда я ему указалъ на то, что имѣющаяся справка заключаетъ въ себѣ его имя, возрастъ, мѣсто его рожденія и пр., то онъ замолчалъ, иначе говоря, призналъ правильность справки. Только благодаря чистой случайности, (какъ видно было изъ его рабочей книжки, онъ работалъ въ Баваріи въ то время, когда онъ, по справкамъ, значился задержаннымъ въ Вѣнѣ за кражу), я обнаружилъ несоотвѣтствіе въ свѣдѣніяхъ, и не безъ труда добился отъ этого молчаливаго человѣка заявленія о томъ, что онъ давно затерялъ документы о своей личности. Оказалось, что ихъ нашелъ какой-то злоумышленникъ и воспользовался ими, чтобы судиться подъ чужимъ именемъ.

3. Симуляція болѣзней и физическихъ недуговъ.

Нѣтъ почти ни одного физическаго недуга, которымъ не воспользовались бы и который не симулировали бы злоумышленники. Цѣли при этомъ весьма различны: если эти лица находятся на свободѣ, то притворными недугами пользуются для изпрошенія милостыни. Притворная слѣпота, глухота, хромота, сыни и разныя симулируемыя увѣчья настолько извѣстны, что не нуждаются въ доказательствахъ. Часто нищія рассказываютъ о вымышленныхъ болѣзняхъ дѣтей, которые будто бы захворали оспой, дифтеритомъ или другою прилипчивою болѣзнью, и мы часто даемъ имъ болѣе щедрую милостыню для того, чтобы поскорѣе ихъ удалить. Симуляціи судорогъ, эпилепсій и т. п. со стороны такихъ лицъ особеннаго интереса для С. С. не представляютъ. Наиболѣе важное для него значеніе имѣютъ:

а) заболѣванія вызванныхъ къ слѣдствію лицъ заподозрѣнныхъ или обвиняемыхъ.

Часто продлывается такъ, что изъ двухъ или нѣсколькихъ вызванныхъ является сначала только одинъ, другіе же подъ разными предлогами явиться не могли. Ничего не подозревая, С. С.

допрашиваетъ явившагося и поручаетъ ему передать другимъ, чтобы они непременно явились на другой же день. Между тѣмъ это было сдѣлано умышленно: допрошенный сегодня, хорошо узнавъ, въ чемъ заключается дѣло, передаетъ о своемъ показаніи неявившемуся товарищу, который такимъ образомъ на другой день даетъ уже подготовленное показаніе.

Такъ дѣлаютъ не только обвиняемые, но и свидѣтели, которые по разнымъ основаніямъ рѣшились показать неправду, и особенно часто—обвиняемые и указанные ими свидѣтели, которые должны показать противъ своей совѣсти. Въ этихъ случаяхъ С. С. уже изъ одного факта неявки и *только поэтому* имѣетъ право заподозрить, что происходитъ нѣчто неладное. Единственное средство предупредить подобныя стачки—отсылать такихъ свидѣтелей *каждый разъ* безъ допроса и настоять на томъ, чтобы всѣ вызванные явились *вмѣстѣ непременно*.

И разъ такой случай имѣлъ мѣсто, то С. С. долженъ особенно строго слѣдить за тѣмъ, чтобы допрашиваемыя лица не могли сообщаться другъ съ другомъ: если допрашиваются двое, то чтобы они непосредственно слѣдовали одинъ за другимъ, если же допрашиваются болѣе двухъ, то каждый послѣ допроса долженъ быть немедленно удаляемъ изъ зданія суда, чтобы находящіеся въ свидѣтельской комнатѣ и еще недопрошенные не могли вступить съ ними въ бесѣду. По дѣлу выдающейся важности недостаточно лишь сдѣлать распоряженіе, необходимо имѣть и дѣйствительный присмотръ за лицами, уже допрошенными,—предосторожность, которая всегда хорошо вознаграждается правильностью отдѣльныхъ показаній.

Полезнѣ всего, но крайней мѣрѣ по важнымъ дѣламъ, по возможности ускорить допросомъ свидѣтелей и такимъ образомъ не допустить, чтобы они слишкомъ долго и подробно рассказывали другъ другу о преступленіи. Особенно же полезно производить допросъ свидѣтелей на мѣстѣ совершеннаго преступленія, чѣмъ устраняется возможность совмѣстнаго путешествія свидѣтелей къ С. С. Эти путешествія всегда опасны для дѣла, такъ какъ при невольной бесѣдѣ свидѣтелей дѣло настолько подробно излагается, что въ концѣ концовъ никто не знаетъ, что онъ видѣлъ самъ и что слышалъ отъ другихъ. Если же С. С. быстро пріѣхалъ на мѣсто преступленія, то онъ можетъ достигнуть наиболѣе вѣрныхъ показаній. Но при этомъ не слѣдуетъ собирать ихъ вмѣстѣ и тѣмъ давать возможность разговоровъ: слѣдуетъ въ то время, когда допрашивается одинъ, послать *за слѣдующимъ* такъ, чтобы никто не зналъ, за

къмъ чередъ, и никто не имѣлъ возможности бесѣдовать съ другими. Этимъ будетъ сдѣлано почти все въ предѣлахъ человѣческой возможности для выясненія истины. Основное при этомъ правило всегда таково: *чѣмъ скорѣе допрашивается свидѣтель, тѣмъ правдивѣе его показаніе*. Время ослабляетъ память и открываетъ возможность для подговоровъ.

в) внезапное заболѣваніе обвиняемаго или важнаго свидѣтеля во время допроса.

Само собой разумѣется, бываютъ случаи внезапныхъ заболѣваній допрашиваемаго или случайно, или же вслѣдствіе сильнаго испытываемаго имъ возбужденія, но въ большинствѣ случаевъ внезапные обмороки, эпилептическіе припадки и т. п. оказываются притворными. Что притворство это дѣйствительно имѣло мѣсто, лучше всего можно угадать по тому признаку, что *моментъ случившагося припадка оказался очень удобнымъ для допрашиваемаго*: такъ, напримѣръ, если обвиняемый сбился, «запутался» въ своемъ объясненіи, не можетъ дать отвѣта, впалъ въ противорѣчіе и вообще поставленъ С. С.-мъ въ безвыходное положеніе.

Въ такомъ положеніи С. С. почти безпомощенъ, такъ какъ, если даже онъ и разгадалъ эту продѣлку, то онъ все-таки не можетъ заставить «заболѣвшаго» прекратить комедію, а этотъ послѣдній все-таки выигрываетъ время, что ему собственно и нужно было. Какъ бы то ни было, для С. С. уже не безразличенъ одинъ тотъ фактъ, что онъ имѣетъ дѣло съ симуляціей, такъ какъ это заставляетъ его быть на сторожѣ, указывая, что въ дѣлѣ что-то не ладно, если понадобится симуляція, и такъ какъ съ другой стороны С. С., можетъ быть, удастся убѣдить обвиняемаго оставить притворство, доказавъ этому послѣднему, что его хитрость разгадана. Поэтому С. С. долженъ въ подобномъ случаѣ неуклонно и немедленно вызывать судебного врача и до его прибытія ограничиваться лишь тѣмъ, что самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить за всѣми явленіями припадка и даже занести ихъ на бумагу для того, чтобы сообщить врачу возможно полную картину происшедшаго. Если всѣ явленія припадка будутъ отмѣчены точно, то, быть можетъ, врачъ дастъ положительное заключеніе о наличности симуляціи такъ, какъ бы онъ самъ при этомъ присутствовалъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, но можетъ удасться пригласить врача настолько быстро, что онъ еще застанетъ конецъ припадка, — хотя обыкновенно

венно такой больной, съ появленіемъ врача, вдругъ «чувствуетъ себя лучше».

Если врачъ констатируетъ симуляцію, то, въ случаѣ повторенія припадка, С. С. долженъ поступить уже энергичнѣе и объявить обвиняемому, что его игра бесполезна и даже опасна для него, такъ какъ навлекаетъ на него подозрѣніе.

Иногда полезно, говоря, прибѣгать къ такимъ приемамъ: когда съ обвиняемымъ или свидѣтелемъ начнутся судороги, то произнести при этомъ, обращаясь къ письмоводителю, какія-нибудь непріятныя для симулянта вещи, напр.: «говорятъ, что «заболѣвшій» уже сознался въ преступленіи», или «что будто бы его уже оговорили соучастники». При этомъ иногда будто бы бываетъ, что симулянтъ внезапно приходитъ въ себя, возмущенный несправедливостью слышаннаго, или же прекращаетъ судороги, чтобы разслышать слова. Передаютъ случай съ однимъ цыганомъ, который впалъ вдругъ въ эпилептическій припадокъ и внезапно очнулся, какъ только С. С. громко сказалъ, что надо отправить его въ больницу умалишенныхъ, чтобы «посадить его на ледъ и поддержать подъ холодными душами нѣсколько часовъ». Цыганъ будто бы совершенно съ тѣхъ поръ выздоровѣлъ и далъ обѣщаніе болѣе не подвергаться «припадаемъ».

Вообще вполне цѣлесообразно, когда имѣешь передъ собой несомнѣннаго симулянта, спокойно и ясно высказать ему, что онъ притворяется и что этимъ онъ ровно ничего не добьется. И если симулянтъ видитъ, что ему совсѣмъ не вѣрятъ, то онъ прекращаетъ свою игру. Но такъ какъ сначала слѣдуетъ убѣдиться въ томъ, что обвиняемый или свидѣтель симулируютъ, и такъ какъ не всегда можно пригласить врача, да и припадки не бываютъ столь продолжительны и прекращаются ранѣе его прибытія, между тѣмъ при хроническихъ (мнимыхъ) недугахъ иногда нельзя ждать прибытія врача, то я нахожу полезнымъ сообщить нѣкоторые способы обнаруживать правду въ наиболѣе простыхъ случаяхъ; а именно:

а) *при симуляціи глухоты.*

Симуляція глухоты въ высшей степени досадна для С. С., если требуется спѣшный, неотложный допросъ и нѣтъ ни времени, ни случая обращаться къ врачу. Если есть подозрѣніе, что допрашиваемый симулируетъ, то необходимо тотчасъ же его въ этомъ изобличить. Для этого существуютъ способы, доступные и для неспеціалиста.

А вэ-Лялеманъ рекомендуетъ при помощи лицъ, обладающихъ громкимъ голосомъ, выкрикивать надъ ухомъ симулянта вопросы до тѣхъ поръ, пока онъ не сдастся. Но этотъ приемъ не соотвѣтствуетъ правиламъ судопроизводства и въ концѣ концовъ ни къ чему не поведетъ, такъ какъ даже и дѣйствительно глухой отъ такого крика почувствуетъ боль.

Можетъ быть, съ пользой примѣнимъ такой приемъ, чтобы сзади симулянта стукнуть по полу или уронить какой-нибудь тяжелый предметъ. Дѣйствительно глухой услышитъ этотъ шумъ вслѣдствіе сотрясенія пола и во всякомъ случаѣ ощутитъ это сотрясеніе, симулянтъ же дѣлаетъ видъ, что будто ничего не слышитъ.

Если допрашиваемый утверждаетъ, что онъ глухъ на одно ухо (что и бываетъ въ большинствѣ случаевъ), то вѣрный способъ обнаружить истину заключается въ томъ, чтобы одновременно надъ обоими ушами прошептать различныя слова. Если испытуемый дѣйствительно глухъ на одно ухо, то онъ можетъ очень хорошо повторить то, что ему прошептали надъ здоровымъ ухомъ; если же оба уха здоровы, то одновременныя звуковыя впечатлѣнія такъ перепутываются, что испытуемый совсѣмъ ничего не разберетъ и не въ состояніи ничего повторить.

Самый лучший способъ обнаружить симуляцію, это—предлагаемый Касперомъ-Лиманомъ фізіономическій діагнозъ; но онъ открываетъ истину лишь самому С. С. и не ведетъ, конечно, къ разумленію симулирующаго. Если С. С. въ теченіе допроса будетъ внимательно слѣдить за выраженіемъ лица допрашиваемаго, за тѣмъ, какое впечатлѣніе производятъ на него извѣстные вопросы, то онъ скоро обнаружитъ по выраженію глазъ, по движеніямъ головы или рукъ, понимаетъ ли его слова испытуемый. Тогда С. С. можетъ спокойно и категорически изложить допрашиваемому результатъ наблюденій, и «глухой» въ большинствѣ случаевъ вынужденъ будетъ оставить свою безцѣльную роль.

Тѣ же приемы примѣняются и по отношенію къ глухонѣмымъ, такъ какъ глухонѣмота появляется у глухихъ отъ рожденія, которые вслѣдствіе этого никогда не учились говорить. Такимъ образомъ тотъ, кто симулируетъ нѣмоту, долженъ одновременно притвориться и глухимъ, такъ какъ случаи, въ которыхъ человѣкъ становится нѣмымъ позднѣе, чрезвычайно рѣдки. По отношенію къ глухонѣмымъ съ успѣхомъ можетъ примѣняться фізіономическій діагнозъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что, какъ доказали Лиманъ, Машка и Тоскани, и глухонѣмые воспринимаютъ

звуки, передаваемые твердыми тѣлами (при хожденіи по полу, при паденіи предметовъ и т. п.) и соотвѣтственно реагируютъ на эти впечатлѣнія, чего симулянтъ не дѣлаетъ совсѣмъ.

Весьма хорошій способъ рекомендуетъ Клаусманъ-Вейенъ: слѣдуетъ предложить допрашиваемому что-либо написать на бумагѣ. При этомъ обнаружится, что дѣйствительно глухонѣмой, обучавшійся грамотѣ въ особой школѣ, напишетъ правильно и безъ орфографическихъ ошибокъ,—между тѣмъ какъ симулянтъ пишетъ согласно съ произношеніемъ, т. е.—неправильно.

3) *при симуляціи эпилепсїи.*

Такіе припадки часто симулируются какъ повобранцами, желающими избавиться отъ военной службы, такъ и другими лицами, желающими уклониться отъ допроса или уголовного преслѣдованія. Въ каждомъ случаѣ необходимо судебно-медицинское освидѣтельство черезъ врача, но часто С. С. важно знать тотчасъ, имѣется ли передъ нимъ дѣйствительный эпилептический припадокъ, наприм. когда онъ долженъ сдѣлать распоряженіе о заарестованіи такого лица, или когда обвиняемый или свидѣтель, какъ мы уже упоминали, такимъ способомъ пытаются пріостановить опасный для нихъ допросъ. Если С. С. сразу разгадаетъ обманъ, то онъ и поступитъ соотвѣтственно своему выводу. Ожидать же заключенія врача въ большинствѣ случаевъ слишкомъ долго, такъ какъ симулянты обыкновенно никогда въ присутствіи врача не впадаютъ въ состояніе, подобное эпилептическому. Если же врачъ будетъ приглашенъ очень быстро, то симулянтъ такъ искусно сократитъ свое представленіе, что врачъ навѣрное не получитъ надлежащаго представленія о припадкѣ. Но обыкновенно припадки этой болѣзни такъ хорошо изображаются, что отличить симуляцію совсѣмъ не легко. Это объясняется тѣмъ, что симулируютъ эти припадки только тѣ, которые не одинъ разъ наблюдали дѣйствительные припадки этой болѣзни,—а такіе случаи нерѣдки въ виду значительной ея распространенности. О способахъ обнаружить симуляцію эпилепсїи писали много: въ каждомъ руководствѣ судебной медицины такіе способы указаны, и кромѣ этого имѣются посвященныя этому же вопросу сочиненія военныхъ врачей (напр. В. Дерблихъ, Е. Геллеръ и др.). Укажемъ на слѣдующіе немногіе способы, пригодные для насъ.

1. Заслуживаетъ подозрѣнія всякій припадокъ, случившійся въ моментъ, удобный для этого лица, напр. при заарестованіи, при

допросѣ и т. п. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что у лицъ, дѣйствительно подверженныхъ эпилепсiи, припадки легко могутъ приключиться вслѣдствіе сильнаго волненія, страха и т. п., естественнаго въ подобныя минуты.

2. Важно, какъ именно *падаетъ* припадочный на землю. Дѣйствительно-больной «грохается» безъ разбора мѣста, безъ всякой предосторожности, такъ что причиняетъ себѣ тяжкія поврежденія, особенно тѣ, которые падаютъ ницъ. Симулянтъ же *отускается* и падаетъ на протянутыя руки или локти, въ случаѣ же поврежденій онъ не въ состояніи скрыть вполне чувства боли и выразить это на своемъ лицѣ.

3. Пронзительный крикъ, испускаемый эпилептикомъ, — крикъ, который, разъ услышанный, никогда потомъ не забывается, тотъ «*сгі unіque, gaique plutôt qu'aigu*», какъ говорятъ французы, — только при извѣстныхъ условіяхъ можетъ свидѣтельствовать о естественности приадка. Если подвергшійся припадку кричить нѣсколько разъ или нѣкоторое время, то это несомнѣнный симулянтъ; если же онъ вскрикиваетъ одинъ разъ, то припадокъ или дѣйствительный или хорошо воспроизведенный; но если крикъ совершенно отсутствуетъ, то припадокъ почти всегда дѣйствительный, потому что отсутствіе крика замѣчается только у несомнѣнныхъ эпилептиковъ.

4. Характерны и не поддаются подражанію такъ называемыя судороги мышцъ, выражающіяся въ дерганіи и дрожаніи мускуловъ, особенно на затылкѣ и спинѣ. Симулировать эти судорожные приступы въ состояніи только очень сильный человекъ, умѣлый гимнастъ и то лишь на рукахъ, и отнюдь не на всемъ тѣлѣ. Симулянтъ корчится, трясется, дрожитъ, бьется, но воспроизвести игры мускуловъ не въ состояніи.

5. Важнѣйшій признакъ, это — цвѣтъ лица, который у настоящаго эпилептика въ началѣ приадка бываетъ очень блѣдный, а послѣ синекрасный. Симулянтъ *никогда* не можетъ искусственно вызвать на лицѣ блѣдности, краснѣть же нарочно въ состояніи многіе.

Какъ только съ лицомъ допрашиваемымъ случился припадокъ, дѣйствительный или нѣтъ, прежде всего не слѣдуетъ теряться; какъ уже сказано выше, нерѣдко сильное возбужденіе и страхъ могутъ разрѣшаться припадкомъ, такъ что подобныя явленія въ судѣ вовсе не исключительны; молодой же С. С., не привыкшій къ такимъ зрѣлищамъ, часто въ этихъ случаяхъ теряетъ всякое самообладаніе, не говоря уже о способности спокойнаго наблюденія. Онъ дѣлаетъ все, что обыкновенно дѣлается въ состояніи непроизвольнаго

волненія: кричить о помощи, суетится, бѣжитъ за водой и т. п. и, когда врачъ, спрошенный о естественности припадка, пожелаетъ точнаго описанія всѣхъ симптомовъ явленія, то С. С. обыкновенно не знаетъ ровно ничего.

Если случится такой припадокъ, то С. С. прежде всего, какъ человѣкъ, обязанъ, принимая припадокъ за естественный, оказать ту помощь, какую онъ въ силахъ. Для этого слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы онъ не причинилъ себѣ поврежденій, для чего убрать стоящіе вблизи твердые предметы, разстегнуть стѣсняющія его части одежды и положить въ ротъ между зубами какую нибудь эластичную вещь: пробку, сложенный платокъ, кусокъ дерева, резину и т. п. для того, чтобы онъ не укусилъ себѣ языкъ; но при этомъ слѣдить, чтобы отнюдь эта вещь не могла проскочить въ ротъ и такимъ образомъ задушить больного. Вотъ все, что можетъ сдѣлать С. С., послѣ этого онъ можетъ ожидать окончанія приступа и наблюдать, не обнаружатся ли признаки симуляціи. Письмоводитель же можетъ въ это время послать за врачомъ.

γ) при симуляціи обморока.

Разгадать истину въ этомъ случаѣ для С. С. въ высшей степени важно, такъ какъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ состояніе обморока бываетъ настолько продолжительно, что врачъ успѣетъ прибыть до окончанія его. Опредѣленіе же того, былъ ли обморокъ дѣйствительный или притворный, является для С. С. необходимымъ потому, что все дѣло предстанетъ для него въ новомъ свѣтѣ, если окажется, что обвиняемый или свидѣтель сочли нужнымъ прибѣгнуть къ обману. Безошибочнымъ и легко распознаваемымъ признакомъ дѣйствительнаго обморока является внезапная и сильная блѣдность, покрывающая не только лицо, но и особенно слизистыя оболочки (губы и десны). Разъ этотъ признакъ отсутствуетъ, обморочное состояніе притворно, ибо блѣдность не есть послѣдствіе, а причина обморока; она есть не что иное, какъ совершенное безкрівіе мозга и всей головы. Глаза становятся неподвижными, зрачки расширены и нисколько не реагируютъ на свѣтъ, даже при прикосновеніи. Пробужденіе послѣ дѣйствительнаго обморока также существенно отличается отъ притворнаго. Но распознаваніе этихъ отличій требуетъ уже знаній специалиста или по меньшей мѣрѣ опыта. Для специалиста впрочемъ вполне достаточно констатировать глубокую блѣдность лица, которую искусственно вызвать человѣкъ

не въ состояніи. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что обмороки, которые исключительно бывають у женщинъ,—въ большинствѣ случаевъ не могутъ считаться ни за настоящіе, ни за притворные. Когда вслѣдствіе испуга или волненія наступаетъ приливъ крови къ мозгу или отливъ крови,—то прежде всего является легкое головокруженіе и если къ этому присоединится еще немного воображенія, самовнушенія, отчасти притворства,—то стоитъ только закрыть глаза и опуститься на полъ и такимъ образомъ неприятное положеніе прервано, мучитель почувствуетъ жалость,—и еще быть можетъ укажетъ выходъ изъ положенія.

б) *при симуляціи слабоумія.*

Столь распространенная между обвиняемыми и извѣстнаго рода свидѣтелями манера притворяться слабоумными, безспорно, для С. С. столь же неприятна, сколько и опасна.

Разсчетъ для допрашиваемаго притвориться слабоумнымъ заключается съ одной стороны въ надеждѣ избѣжать подозрѣнія въ преступленіи, для совершенія котораго потребовалась обдуманность дѣйствій, а съ другой стороны — въ возможности не понимать неприятныхъ для него вопросовъ и тѣмъ выиграть время для размышленія.

Не менѣе выгодна подобная симуляція и для свидѣтеля, который по какимъ бы то ни было основаніямъ не желаетъ сказать правды, который желаетъ выгородить обвиняемаго, или передавая дѣло въ истинномъ свѣтѣ, тѣмъ можетъ подвергнуть себя опасности, или же опасается впасть въ противорѣчіе съ показаніями другого свидѣтеля. Изобличеніе такого притворства однако для С. С. совсѣмъ не такъ трудно, если только онъ обладаетъ нѣкоторою ловкостью и психологическими познаніями.

Къ этой цѣли можно идти двумя путями. Первый заключается въ обнаруженіи внутреннихъ противорѣчій въ показаніи свидѣтеля: одни свѣдѣнія могутъ быть обдуманны и хитры, между тѣмъ какъ другія—безсмысленны и неумѣстны. Другой путь состоитъ въ обнаруженіи противорѣчія между выраженіемъ глазъ и смысломъ показанія.

Противорѣчія перваго рода имѣютъ такое свойство, что самый ловкій симулянтъ не сумѣетъ избѣжать ихъ при болѣе продолжительномъ допросѣ, при которомъ въ концѣ концовъ непременно дастъ вполне обдуманный отвѣтъ. С. С. долженъ уметь такъ вести допросъ, чтобы свидѣтель увлекся, разгорячился и хотя бы однимъ своимъ разумнымъ отвѣтомъ возбудилъ къ себѣ подозрѣніе въ симуляціи.

Совершенно подобное слѣдуетъ сказать и относительно противорѣчій второго рода: между взглядомъ и рѣчью, между глазами и устами. У разумнаго человѣка не бываетъ глупыхъ глазъ, и у глупца нѣтъ умныхъ глазъ. Все остальное: лицо, осанка, движенія могутъ ввести въ обманъ, но глаза никогда, и кто обладаетъ хоть нѣкоторою наблюдательною способностью, тотъ не допуститъ себя обмануть.

Правда, то, что мы называемъ «выраженіемъ глазъ», только частью заключается въ самихъ глазахъ, главнымъ же образомъ складывается на основаніи общаго впечатлѣнія о всѣхъ чертахъ лица, которымъ человѣкъ придаетъ то или другое выраженіе посредствомъ извѣстныхъ мускуловъ, — но только лишь на непродолжительное время. Актеръ-комикъ съ умнымъ лицомъ можетъ часто придать своей физиономіи «невъразимо-глупое» выраженіе, но *въ действительности* даже при величайшемъ искусствѣ глаза его глупыми, по крайней мѣрѣ на болѣе или менѣе долгое время, не могутъ быть никогда.

Такимъ образомъ, если существуетъ хотя бы отдаленное подозрѣніе, что допрашиваемый прикидывается глупымъ, то достаточно упорно слѣдить за его взоромъ и, какъ бы онъ ни старался выглядѣть тупо и безучастно, онъ все-таки не въ состояніи будетъ утаить, хотя бы на одно мгновеніе мелькнувшій взглядъ вполне осмысленный, особенно когда допросъ поставилъ его въ затруднительное положеніе. Кромѣ того симулянтъ почти всегда, когда замѣчаетъ, что за нимъ не наблюдаютъ, бросаетъ на С. С. быстрый испытующій взглядъ, чтобы убѣдиться, довѣряетъ ли ему С. Довольно уловить только одинъ такой взглядъ, чтобы болѣе не сомнѣваться въ томъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Если же С. С. убѣдится, что передъ нимъ симулянтъ, то онъ долженъ тотчасъ же категорически объявить допрашиваемому, что обманъ его разгаданъ, изложить ему при этомъ всѣ послѣдствія его поведенія и затѣмъ, не обращая вниманія на его мнимую глупость, продолжать допросъ такъ, какъ будто С. С. имѣетъ передъ собой разумнаго человѣка.

Пусть не говорятъ, что изобличеніе симулянта не входитъ въ кругъ обязанностей С. С.: отъ справедливости и иного показанія зависитъ иногда благосостояніе, честь и свобода человѣка, призваніе же С. С. и состоитъ именно въ достиженіи торжества правды. Поэтому онъ допуститъ рѣзкое нарушеніе своихъ обязанностей, если не приложитъ величайшаго вниманія и усилій къ тому, чтобы допрашиваемый говорилъ только правду.

4. Тайные знаки въ средѣ преступниковъ (*Zinken*).

Такие знаки установились между преступниками съ середины XVIII столѣтія. Нѣмецкое выраженіе этихъ знаковъ: «Zinken» не стрѣчается ни въ «*Liber vagatorum*», ни въ другихъ сочиненіяхъ; Аве-Лялеманъ производитъ его отъ цыганскаго слова «Sung» (запахъ), Иосифъ Вагнеръ отъ латинскаго «*signum*», во французскомъ «*signe*». Быть можетъ, оно только и обозначаетъ зубецъ вилки (*Zinken. Zacken der Gabel*), чѣмъ хотѣли указать на остроконечность всѣхъ знаковъ.

Въ виду значительнаго разнообразія, широкаго примѣненія и распространенія, эти знаки могутъ имѣть весьма важное значеніе для С. С., такъ какъ знаніе ихъ можетъ повести къ раскрытію нѣкоторыхъ дѣлъ, которыя безъ этого будутъ представлять неразрѣшимую загадку. Такъ напр., какая-нибудь кража можетъ быть не по силамъ одному человѣку, и уличенный въ ней только одинъ виновный на этомъ основаніи не признаетъ себя виновнымъ, между тѣмъ какъ существованіе соглашенія нѣсколькихъ виновныхъ ничѣмъ нельзя доказать. Затѣмъ тайныя сношенія арестантовъ при помощи знаковъ могутъ парализовать всѣ усилія С. С., обнаруженіе же этихъ сношеній невозможно, если С. не будетъ знать ихъ тайныхъ знаковъ.

Наконецъ, я держусь такого взгляда, что С. С., особенно живущій въ уѣздѣ, прямо обязанъ прилагать трудъ свой не только къ дѣламъ, къ нему дошедшимъ, но и вообще обращать вниманіе свое на все, что происходитъ въ участкѣ его, какія личности бродяжничаютъ въ немъ, и какія существуютъ между ними отношенія и связи. Если совершится какое-нибудь крупное преступленіе, то С. С., изучившій свой участокъ и потому лично во многомъ осведомленный, вслѣдствіе этого можетъ давать чинамъ полиціи для производства розысковъ болѣе или менѣе важныя указанія.

С. С. не можетъ не чувствовать высокаго удовлетворенія, когда въ какомъ-нибудь серьезномъ дѣлѣ чины полиціи съ довѣріемъ обращаются къ нему, чтобы пользоваться его знаніями и руководиться ими. Именно тщательное изученіе преступнаго міра можетъ сообщить дѣйствіямъ С. С. положительность и обдуманность; когда же преступленіе совершилось, то уже поздно изучать обычаи преступниковъ. Кто пожелаетъ ознакомиться съ этимъ вопросомъ теоретически, найдетъ литературу предмета въ сочиненіи I. M. Ваг-

нера «Rothwelsche Studien» ¹⁾). Опишемъ теперь наиболѣе извѣстные изъ символическихъ знаковъ преступниковъ:

а) Графическіе знаки.

Эти знаки, безъ сомнѣнія, самые интересные и потому заслуживаютъ особеннаго изученія.

Они происходятъ отъ старинныхъ знаковъ, употреблявшихся въ давно прошедшіе вѣка поджигателями и служившихъ для того, чтобы указать членамъ шайки тотъ домъ, на который предполагалось совершить нападеніе съ цѣлью убійства, грабежа и затѣмъ поджога. Большею частью это были знаки самой простой формы: часто косою крестъ со штрихами въ сторонѣ,—каковыя знаки сохранились и до нашего времени (см. Людвигъ Бехштейнъ «Deutsches Museum für Geschichte u. s. w.»). Также стрѣла съ нѣсколькими штрихами въ косомъ направленіи обозначала домъ, который рѣшено поджечь, стрѣла же съ подобными штрихами и еще кружечками указывала на то, что въ этомъ домѣ уже лежитъ горючій матеріалъ.

Впослѣдствіи къ этимъ и подобнымъ знакамъ объективнаго свойства присоединились еще и другіе, субъективные знаки, служившіе для обозначенія занятія носителя ихъ, т. е. имѣвшіе характеръ герба. Такова ужъ была та эпоха: какъ гербъ на доспѣхахъ рыцаря свидѣтельствовалъ о личности его, такъ и знаки на домахъ указывали на личность владѣльца и его занятіе. Такъ, были знаки каменщиковъ, плотниковъ, скульпторовъ и т. п., и были знаки поджигателей, свидѣтельствовавшіе о принадлежности къ шайкѣ. Послѣдніе знаки встрѣчаются съ давнихъ временъ, даже въ 15 столѣтіи; въ эпоху реформаціи они были очень распространены, и о нихъ тогда говорили, что они принадлежатъ шайкамъ, высылаемымъ римскимъ папой въ Германію для истребленія лютеранъ (!).

Наибольшее распространеніе такіе знаки получили однако во время 30-лѣтней войны, и послѣ нея, когда разбойничьи шайки, бродяги и т. п. пользовались полною свободой. Трудно представить себѣ, сколько совершалось тогда убійствъ, разбоевъ и поджоговъ. Разказы современниковъ «Simplicissimus», Филандера ф. Зиттевальда, Александра Смита, М. Сигизмунда Госмана, и затѣмъ опи-

¹⁾ „Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literatur“ Л. Геррига XXXIII т. 1863 г.

санія жизни извѣстныхъ разбойниковъ того времени (Липса Туль-яна, Шмуля Шикеля, Михля Генчля, Никля Листа, Тонаса Мейера, Шмуэля Лебеля и др.) производять впечатлѣніе вымышленныхъ страшныхъ романовъ.

Отъ того времени сохранился одинъ такой знакъ, начерчен-ный на уединенной лѣсной часовнѣ въ Тюрингенѣ (рис. 10). Пер-вая строка означаетъ призывъ, а именно: въ направленіи *стрѣлы* 4-й домъ имѣеть быть ограбленъ въ ночь *последней четверти* *луны*. Вторая строка служила удосто-вѣреніемъ въ принятіи призыва къ свѣдѣнію. Это значитъ, что каждый про-ходившій мимо разбойникъ, прочитавъ первую строку и желая принять уча-стіе, вырѣзалъ или чертилъ ниже свой знакъ, который былъ хорошо извѣ-стенъ его товарищамъ. Такъ и получилась вторая строка: птица, игральная кость, ключъ, горшокъ, цѣпь, т. е. знаки пяти злоумы-шленниковъ, на несомнѣнное участіе которыхъ подстрекатель могъ такимъ образомъ рассчитывать. И понынѣ мы ощущаемъ невольное чувство страха, разгадывая преступный смыслъ такихъ, повидимому, невинныхъ знаковъ, но немногіе изъ насъ представляютъ себѣ, что потомки этихъ страшныхъ предковъ перенесли и въ наше время эти знаки.

Рис. 10. Знакъ члена шайки раз-бойниковъ - поджигателей конца 17 ст.

Кто внимательно будетъ осматривать часовни, сараи, столбы съ крестами, заборы, каменные стѣны, особенно въ уединенныхъ мѣстахъ и перекресткахъ, тотъ найдетъ много такихъ знаковъ. Въ настоящее время, конечно, они очень рѣдко указываютъ на пре-ступный замыселъ, но означаютъ, что такой-то «собрать по реме-слу» проходилъ въ такой-то день въ данномъ направленіи и что въ извѣстный день намѣренъ возвратиться. Чаще они указываютъ въ какихъ домахъ подають милостыню, иногда же заключаютъ опас-ныя сообщенія, что въ такомъ-то мѣстѣ представляется случай со-вершить кражу, но что необходимъ сообщникъ, который такимъ способомъ и прискивается.

А ве-Лялеманъ приводитъ слѣдующіе знаки: ключъ съ стрѣлой—знакъ вора, занимающагося кражами со взломомъ (рис. 11), скрещенныя ра-пиры—знакъ нищихъ студентовъ (рис. 12), играль-ныя карты со стрѣлой—знакъ путешествующаго шуллера (рис. 13).

Рис. 11. Знакъ во-ра, валамывающего замки.

Рисунокъ 14—а по А ве-Лялеману представляетъ собой

общій знак злоумышленниковъ, занимающихся вмѣстѣ съ тѣмъ и нищенствомъ. Знакъ не вполне точенъ, правильнѣе рисунокъ 14— изображающій сердце съ тремя гвоздями—старинный знакъ странствующаго гвоздаря. Мнѣ удалось однажды на основаніи такого знака установить личность одного бродяги, бывшего ранѣе

Рис. 12. Знакъ нищенствующихъ студентовъ.

Рисунокъ 15-й представляетъ общій знакъ нищенствующихъ: указываетъ направление и число мѣсяца, ноли означаютъ дѣтей, черточки—товарищей, половинная же черточка—сообщницу. Эти значки впрочемъ въ разныхъ мѣстностяхъ мѣняютъ свое значеніе.

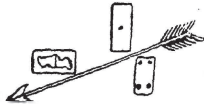

Рис. 13. Знакъ шулера.

Приведу знаки, нѣкоторые изъ многихъ, собранныхъ мною въ теченіе моей долголѣтней службы. Рис. 16-й изображаетъ ландшафтъ съ елкой, начерченный однимъ почеркомъ (не отрывая руки)—часто встрѣчающійся знакъ бродяги, когда-то зажиточнаго землевладельца. Рисунки въ *одномъ приемѣ*, одной чертой—весьма въ ходу у преступниковъ еще съ 15 столѣтія. Большимъ мастерствомъ отличался въ этомъ отношеніи Альбрехтъ Дюреръ, примѣнившій этотъ способъ въ рисункахъ на поляхъ молитвенника императора Макса.

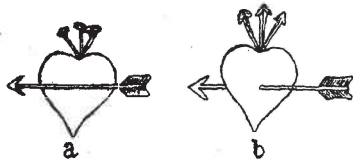

Рис. 14. Знакъ странствующаго гвоздаря.

Рисунокъ 17-й изображаетъ знакъ, называемый «кренделекъ», означающій: «былъ здѣсь $\frac{5}{11}$ 72 г., возвратится $\frac{20}{11}$ 72 г.».

Рис. 15. Общій знакъ нищенствующихъ.

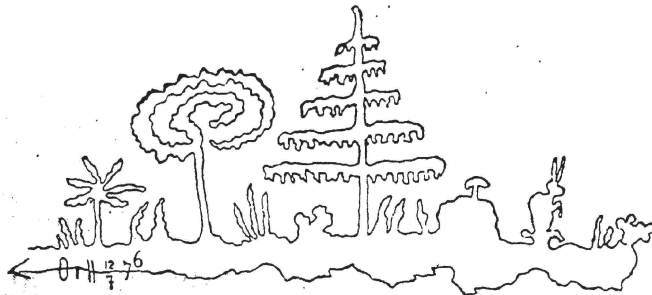

Рис. 16. Символическій знакъ преступника (сдѣланъ въ одинъ приемъ).

Рисунок 18-й изображает одинъ изъ самыхъ интересныхъ воровскихъ знаковъ, которые мнѣ удалось видѣть. Нарисованная однимъ почеркомъ птица изображаетъ попугая,—что указываетъ на говорливость того, кому знакъ принадлежитъ (извѣстный воръ). Другой знакъ—церковь, третій ключъ, ниже три кружечка надъ чертой—знакъ св. Стефана, такъ какъ этотъ святой погибъ вслѣдствіе побіенія камнями. Эти три камня означаютъ день смерти св. Стефана, т. е. 26 декабря. Рядомъ сѣмъ знакамъ изображенъ младенецъ въ пеленкахъ обозначаетъ день Рождества Христова, 25 декабря. Все становится яснымъ, а именно: «человѣкъ, въ обществѣ злоумышленниковъ извѣстный по знаку попугая, имѣетъ намѣреніе совершить кражу изъ какой-то церкви, для чего ищетъ сообщниковъ, и пусть таковой сообщникъ явится 25 декабря на мѣсто, гдѣ этотъ знакъ нарисованъ (часовня въ глухомъ лѣсу) для совершения кражи». Жандармы разгадали эти знаки и донесли судобной власти, и 25 декабря около этой часовни удалось задержать трехъ извѣстныхъ воровъ.

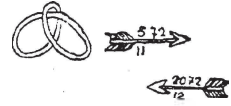

Рис. 17. Знакъ хлѣбопека.

Рисунокъ 19-й изображаетъ открытую книгу, сломанную палку, человѣческую ногу, и три числа. Несмотря на всѣ эти признаки, мнѣ не удалось разгадать значеніе этихъ знаковъ.

Рис. 18. Знакъ вора.

Рис. 19. Неразгаданный знакъ.

Кромѣ описанныхъ знаковъ, встрѣчаются еще и такіе знаки, которые имѣютъ цѣлью дать знать товарищамъ по ремеслу о какихъ-нибудь новыхъ удачныхъ приемахъ. Они ясно свидѣтельствуютъ намъ, какъ тѣсно сплочена, можно сказать почти организована среда преступниковъ, какъ одинъ преступникъ спѣшитъ помочь другому, котораго даже и не знаетъ совсѣмъ, конечно въ надеждѣ на взаимную отъ этого послѣдняго услугу. Такъ, очень часто приходится встрѣчать рисунокъ 20-й, изображающій протянутую руку; это значитъ: найдешь щедро дающую руку направо въ 4, 7, 11, 20 домахъ, а налѣво въ 3, 6, 10 домахъ—указаніе на то, гдѣ про-

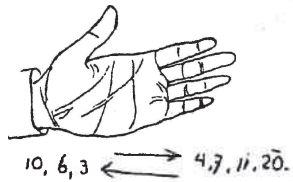

Рис. 20. Знакъ, указывающій, гдѣ щедро подаютъ милостыню.

шение милостыни будетъ успѣшно. Нерѣдко для этой цѣли отмѣчается особеннымъ образомъ каждый домъ. Чаще всего встрѣчаются

Рис. 21.

Рис. 22.

Рис. 23.

Знаки на домахъ, въ которыхъ подаютъ милостыню и въ которыхъ нѣтъ.

такіе знаки: пустой кругъ (рис. 21)— изображение звонкой монеты, косою крестъ (рис. 22)—означаетъ, что въ указанномъ домѣ милостыни не да-

ютъ. Оба знака вмѣстѣ (рис. 23) указываютъ, что даютъ лишь кое-что,

но такія вещи, которыя невыгодны для бродягъ, напр. кусокъ хлѣба, стаканъ фруктовъ воды, нѣсколько яблокъ, яйцо и т. п. съѣстные припасы.

Совершенно подобныя знаки съ давняго времени употребляются и въ Англіи ¹⁾. Такъ напр. рисунокъ 24, распространенный въ Англіи, встрѣчается и въ Австріи и указываетъ на то, что въ помѣченномъ домѣ легко сбыть краденныя вещи. Весьма распространены также изображенія скрипки и флейты. Скрипка обѣщаетъ успѣхъ, флейта—неудачу (рис. 25).

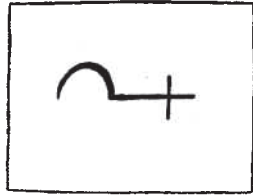

Рис. 24. Знакъ англійскихъ преступниковъ.

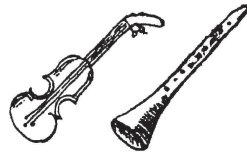

Рис. 25. Знаки нищенствующихъ.

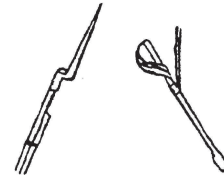

Рис. 26. Знаки относительно полицейскаго надзора.

Есть знаки, служащіе предостереженіемъ, что въ данной мѣстности полицейскій надзоръ крайне строгъ: таковыя знаки, изображающіе оружіе, носимое чинами полиціи (рис. 26), напр. дуло ружья со штыкомъ означаетъ жандарма, короткая сабля—уѣзднаго полиціанта.

Иногда такіе знаки заключаютъ въ себѣ угрозу или предостереженіе, иной разъ даже подстрекательство къ вооруженному нападенію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на глухой тропинкѣ лѣса нашли убитаго жандарма: на тѣлѣ его оказалось множество ранъ отъ ударовъ ножомъ. Осмотръ мѣста выяснилъ, что убитый сидѣлъ на краю дорожки и набивалъ свою трубку, кистетикъ его былъ от-

¹⁾: „A London Antiquary-Dictionary of modern Slang, Cants etc. Лондонъ 1859 г.“

крыть, табакъ разсыпанъ по землѣ, трубка на половину набита свѣжимъ табакомъ. Далѣе выяснилось, что жандармъ былъ предметомъ страха и ненависти для всѣхъ бродягъ и цыганъ за точное и неуклонное исполненіе службы, и что онъ убитъ былъ именно цыганами, которые сзади напали на него и лишили жизни. Нѣсколько дней спустя на полуразвалившейся каменной стѣнѣ, недалеко отъ мѣста преступления нашли грубый рисунокъ, смыслъ котораго былъ ясенъ (рис. 27): было изображено лицо человека, головной уборъ — жандарма съ пѣтушинымъ перомъ, на лицѣ характерные усы жандарма, и кругомъ головы четко выдѣлялись 4 пожа. Рисунокъ этотъ не могъ быть сдѣланъ послѣ смерти жандарма по той причинѣ, что онъ былъ нѣсколько попорченъ дождемъ, между тѣмъ какъ съ момента убійства и до нахождения рисунка никакого дожда не было. Я никакъ не могу отделиться отъ мысли, что рисунокъ этотъ былъ сдѣланъ съ цѣлью угрозы по адресу жандарма.

Рис. 27, изображающій угрозу убить жандарма.

Однако, эти символическіе знаки, съиздавна употреблявшіеся преступниками, мало по малу вытѣсняются интернаціональными и

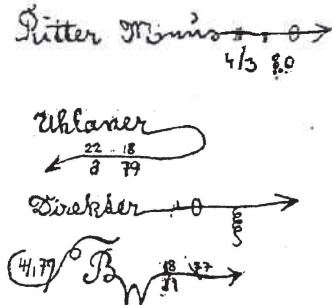

Рис. 28. Различные современные знаки преступниковъ.

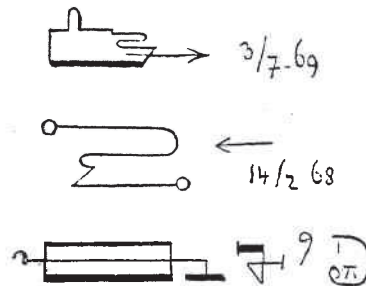

Рис. 29. Знаки, заимствованные изъ одной «Пневматологін».

общераспространенными письменными знаками, что, конечно, объясняется увеличеніемъ числа грамотныхъ. Такъ я нерѣдко встрѣчалъ знаки, изображенные въ рис. 28. Значеніе завитушки на предпоследнемъ рисункѣ (стрѣлкѣ) мнѣ неизвѣстно.

Много лѣтъ назадъ въ Лотарингіи, въ горной мѣстности, мало обитаемой, но зажиточной, я нашелъ знаки, которыхъ я довольно долго не могъ истолковать (рис. 29). Они были разбѣяны на раз-

стояніи нѣсколькихъ миль, сдѣланы навѣрное не одной рукой, и, какъ выяснилось впоследствии, членами *одной* шайки, такъ какъ знаки эти оказались заимствованными изъ одной и той же книги. По этой книгѣ первый знакъ означалъ: *Daemonium Mercurii*, второй: *Intelligentia Saturni*, третій—Ангела воскресенія, Кассіеля. Эти знаки можно найти въ Саламанкской: «*Pneumatologia occulta et vera*» ¹⁾. Книга эта, очевидно, попала въ руки шайки злоумышленниковъ, которые и воспользовались помѣщенными въ ней рисунками.

Сюда же относятся знаки цыганъ, желающихъ какимъ-нибудь образомъ обозначить присутствие въ данной мѣстности съ преступною цѣлью или безъ таковой. Въ первомъ случаѣ знаки дѣлаются въ болѣе скрытныхъ мѣстахъ. Чаще всего встрѣчается изображеніе треугольника, пересѣченнаго рядомъ параллельныхъ линий: этотъ знакъ, изображающій по всей вѣроятности арфу, оставляется большею частью тогда, если они провели гдѣ-нибудь ночь подъ крышей (рис. 30). Затѣмъ цыганъ вѣшаетъ тряпки отъ одежды у какого-нибудь дома, на колѣ, на деревѣ и т. д., при чемъ вслѣдствіе

Рис. 30.

Рис. 31.

Рис. 32.

Различные воровскіе знаки.

существующаго повѣрья никто не смѣетъ прикоснуться къ этимъ тряпкамъ, такъ какъ къ прикасающемуся переходятъ будто бы различныя заразныя болѣзни. Поэтому тряпки эти остаются на своихъ мѣстахъ и служатъ средствомъ для тайныхъ указаній другимъ таборамъ цыганъ о томъ, куда именно направились ихъ товарищи.

Другимъ средствомъ для тайныхъ сообщеній служатъ связанные узломъ прутья, свитыя вѣтви, колосья и стебли травъ. Или же срѣзывается вѣтка съ тремя сучьями такъ, чтобы эти сучья имѣли видъ трехзубой вилки, и средній сучекъ загибается въ ту сторону, куда ушли цыгане.

Для той же цѣли на дорогѣ съ краю кладутся три камня, одинъ на другой, самый большой внизу и наименьшій сверху (рис. 31 ²⁾). Если же на пути ничего, кромѣ песку, земли, необрос-

¹⁾ Отпечатана въ „Zauberbibliothek“ Георга Конради Горста. Майнцъ, 1821 г.

²⁾ Я предполагалъ, что знаки эти дѣлаются только цыганами, но это

шей травой, или снѣгу не имѣется, то цыгане проводятъ три черты, изъ которыхъ средняя указываетъ направленіе, въ которомъ ушелъ первый таборъ.

О цѣломъ рядѣ такихъ знаковъ цыганъ сообщили намъ ф. Вли-слоцкій, Теодоръ Зельманъ и Генрихъ Глюксманъ; послѣдній изъ нихъ доказываетъ, что отдѣльныя цыганскія племена и даже отдѣльныя лица изъ нихъ имѣютъ свои особые знаки (состоящіе изъ волосъ животныхъ, тряпокъ, кусочковъ дерева и т. п.). Эти знаки соединяются съ другими знаками для того, чтобы передать какое-нибудь извѣстіе такимъ цыганамъ, которые будутъ проходить по дорогѣ. Если знакъ, принадлежащій отдѣльному цыгану, отчасти прикрытъ коровьимъ пометомъ, то это значитъ предостереженіе о близости полиціи. Человѣческіе экскременты означаютъ успѣхъ и счастье. Вѣтка сирени означаетъ болѣзнь. А такая же обуглившаяся вѣтка вмѣстѣ съ соломой означаетъ смерть; еловая вѣтвь—помолвку, ивовая вѣтвь—рожденіе кого-либо, дубовая вѣтвь—возвращеніе путешественника или задержаннаго товарища, березовая вѣтвь—поймку кого-либо полиціей; мѣховые или кожаные куски—указываютъ на необходимость спѣшить, или идти куда-либо навстрѣчу. Отверстія, сдѣланныя въ кожѣ, означаютъ: четырехугольныя—городъ, круглыя отверстія—деревню. Если, напр., на кускѣ кожи будутъ найдены два круглыя отверстія, одно четырехугольное и одно круглое—то это значитъ, что цыганъ, для котораго знакъ предназначенъ, долженъ пройти двѣ деревни и городъ, чтобы дойти до мѣста встрѣчи. Щетина указываетъ на предстоящую удачу, соболья шерсть—указываетъ на грозящую опасность, осколки стекла—указываютъ на павшее животное.

мнѣніе оказалось ошибочнымъ, какъ это выяснилъ историкъ германской культуры Шейбахъ. Въ одной изъ проповѣдей Бартольда изъ Регенсбурга, безъ сомнѣнія самаго выдающагося изъ проповѣдниковъ среднихъ вѣковъ, произнесенной около 1250 года и до сего времени оставшейся ненапечатанной, сказано, что дьяволъ поступаетъ такъ, какъ разбойники, которые на дорогахъ дѣлаютъ извѣстные знаки, для того, чтобы путники считали себя на вѣрной дорогѣ, тогда какъ эти путевые знаки приводили ихъ прямо къ разбойничьимъ притонамъ. По словамъ того же Бартольда, знаковъ такихъ имѣется три вида: положенные на крестъ сучья дерева, сложенные въ груды камни и связанные прутики лозы или терновника. Такимъ образомъ оказывается, что знаки, которые мы считаемъ принадлежащими лишь цыганамъ, знакомы были всему населенію болѣе 500 лѣтъ назадъ, затѣмъ пришли въ забвеніе и сохранились лишь у цыганъ, какъ племена наиболѣе консервативнаго. Но при этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что знаки эти древне-германскаго происхожденія и усвоены цыганами именно отъ германцевъ.

Чтобы уразумѣть «науку» о цыганскомъ гаданіи,—предсказываніи и гаданіи по картамъ и иными способами,—слѣдуетъ обращать вниманіе на графическіе знаки, которые цыгане дѣлаютъ углемъ или вырѣзываютъ гвоздемъ на стѣнахъ домовъ, знаки, не бросающіеся въ глаза лицу несвѣдущему, такъ какъ ихъ почти нельзя отличить отъ знаковъ, оставляемыхъ вслѣдствіе атмосферныхъ вліяній. По Влислоцкому имѣютъ слѣдующее значеніе: крестъ простой—въ данномъ мѣстѣ нѣтъ поживы, двойной крестъ—грубое обращеніе, простой кругъ—щедрость, двойной кругъ—жителей, отличающихся особенною благотворительностью, двѣ продольныя черты и сверху двѣ поперечныя означаютъ квартиру мѣстнаго судьи или вообще начальства; двойной крестъ и подъ нимъ двѣ черты—совершеніе кражи, въ которой подозрѣніе упало на цыганъ; нѣсколько вертикальныхъ линій—здѣсь мы сдѣлали кражу; треугольникъ означаетъ—здѣсь можно заработать деньги гаданіемъ; крестъ внутри круга—призывъ къ мести; двѣ извилистыя линіи—желаніе хозяйки дома имѣть дѣтей; двѣ вертикальныя линіи, соединенныя одной волнистой чертой,—хозяйка въ домѣ не желаетъ имѣть болѣе дѣтей; двѣ волнистыя линіи, проведенныя черезъ кругъ—смерть старухи; а такія же линіи, пересѣкающія два круга—смерть старика въ данномъ домѣ; точки внутри круговъ означаютъ ссору изъ-за наслѣдства, вслѣдствіе ихъ смерти; волнистая линія, пересѣкающая треугольникъ—смерть главы семьи; двѣ такія же линіи, пересѣкающія треугольникъ—смерть его жены; волнистыя линіи между двумя крестами—супружескую невѣрность жены; крестъ между двумя волнистыми линіями—такая же невѣрность мужа; вертикальная линія, внизу горизонтальная, еще ниже крестъ—намѣреніе вступить въ бракъ и т. д. Само собою разумѣется, что эти знаки для гаданія оказываются весьма полезными, и остается только удивляться той взаимной поддержкѣ и товариществу безкорыстному, существующему среди цыганъ.

Всѣ эти цыганскіе знаки встрѣчаются, правда, и у другихъ злоумышленниковъ, но только у такихъ, которые давно поддерживаютъ сношеніе съ цыганами.

Отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать знаки злоумышленниковъ съ знаками, отмѣчаемыми странствующими точильщиками на тѣхъ домахъ, въ которыхъ они работаютъ во время періодическихъ посѣщеній. Сходство этихъ знаковъ съ вышеописанными не подлежитъ сомнѣнію и объясняется, очевидно, тѣмъ, что въ прежнее время точильщики имѣли много общаго съ всякаго рода бродячимъ элементомъ населенія.

Если такой точильщикъ въ теченіе дня собралъ много ножей и ножницъ, то онъ едвали былъ бы въ состояніи возвращать ихъ по принадлежности, если бы не дѣлалъ на домахъ знаки, по которымъ дѣлалъ отличіе для возвращенія ножей. Эти знаки указываютъ на весьма продуманную мнемо-технику, — а для насъ имѣютъ лишь то значеніе, что ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ знаками злоумышленниковъ. Въ случаѣ возникшаго сомнѣнія слѣдуетъ прибѣгнуть къ услугамъ перваго случайнаго точильщика, который и разъяснитъ знакъ точильщиковъ изъ другихъ мѣстностей. Что же касается тѣхъ знаковъ, которые дѣлаются преступниками на мѣстѣ преступленія, послѣ совершенія дѣянія, то они, хотя и не относятся къ предмету настоящей главы, заслуживаютъ здѣсь быть упомянутыми: Мнѣ давно извѣстны наиболѣе типическіе виды этихъ знаковъ, представляющіе собой уродливыя изображенія человѣческой фizioноміи съ тремя вопросительными знаками. Подобные знаки оставляются тамъ, гдѣ нѣтъ указаній на виновное лицо, но въ то же время самое преступленіе совершено было такимъ лицомъ, которому было хорошо извѣстно расположеніе дома и который знакомъ потерпѣвшему. Въ оставленіи этого знака заключается насмѣшка преступника: «узнай-ка, кто былъ воръ?».

Въ прежнихъ изданіяхъ книги я не упоминалъ объ этомъ знакѣ, потому что предполагалъ, что онъ встрѣчается лишь въ нашей мѣстности. Теперь я знаю, что такой же знакъ найденъ былъ въблизи Берлина. Слѣдовательно, онъ довольно распространенъ. Подъ часъ такой знакъ можетъ послужить точкой опоры для производства розысковъ.

в) Знаки, дѣлаемые пальцами рукъ (*Jadzinken, Fehmzinken, Griffingzinken*).

Знаки эти, составляемые изъ пальцевъ рукъ, имѣютъ цѣлью изобразить всѣ буквы алфавита. Иногда для этого просто пользуются алфавитомъ для глухонѣмыхъ, но алфавиты эти не вездѣ одинаковы: въ различныхъ мѣстностяхъ они настолько не похожи одинъ на другой, что глухонѣмые этихъ странъ не понимаютъ другъ друга. Не то съ алфавитомъ преступниковъ, которые ради своихъ цѣлей приспособили его такъ, что онъ сдѣлался почти интернациональнымъ. Впрочемъ, въ этомъ лично я не могъ убѣдиться. Какъ бы то ни было, отнюдь не требуется, конечно, чтобы С. С. зналъ этотъ алфавитъ во всѣхъ подробностяхъ; достаточно, если онъ вообще будетъ знать о существованіи такого способа объясненій

между преступниками, способа, посредствомъ котораго два сообщника изъ оконъ своихъ камеръ черезъ большой дворъ могутъ хорошо передавать другъ другу свои мысли. С. С., который игнорируетъ такого рода сношенія между арестантами, и заботу объ устраненіи таковыхъ считаетъ «ниже своего достоинства», не только будетъ предметомъ издѣвательства со стороны самихъ арестантовъ, но и слѣдствія свои будетъ производить только для вида, исполняя лишь внѣшнія формы, въ нарушение своего служебнаго долга.

Другой способъ объясненій посредствомъ пальцевъ состоитъ въ томъ, что одинъ медленно въ воздухѣ чертитъ буквы, другой же при нѣкоторомъ навыкѣ легко его понимаетъ.

Эти способы объясненій примѣняются преступниками (конечно, въ ущербъ правосудію) въ особенности при такъ называемыхъ очныхъ ставкахъ, къ которымъ вообще я отношусь отрицательно. Очные ставки могутъ быть допускаемы только по отношенію къ добросовѣстнымъ свидѣтелямъ, при чемъ дѣйствительно успѣшно устраняются существенныя недоразумѣнія и добываются новыя важныя обстоятельства, которыхъ никакой повторный допросъ и не могъ бы выяснитъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ очныя ставки, по моему убѣжденію, крайне вредны для дѣла и представляютъ собою не болѣе, какъ формальное средство упростить производство слѣдствія. Кто знаетъ, какъ легко и быстро происходятъ объясненія между злоумышленниками при помощи азбуки глухонѣмыхъ и под., тотъ будетъ избѣгать очныхъ ставокъ между ними, какъ именно благопріятнаго способа для ихъ обмѣняться мыслями, не смотря на всѣ принятые предосторожности.

Понимая знаки посредствомъ рукъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, мы должны сюда же отнести всѣ тѣ способы взаимныхъ объясненій, которые совершаются въ той или другой формѣ, непонятной для непосвященныхъ. Такія объясненія, оказывающія самое вредное вліяніе на ходъ дѣла, часто происходятъ и при свиданіяхъ (кромѣ очныхъ ставокъ), разрѣшаемыхъ арестованному съ его родными, хотя бы даже и въ присутствіи С. С. Нерѣдко С. бываетъ удивленъ тѣми порывами горячаго чувства, съ которыми люди, повидимому вообще лишенные вѣжкихъ чувствъ, кидаются другъ другу на шею, плачутъ, восклицаютъ и снова заключаютъ другъ друга въ объятія, пока наконецъ С. С. не заблагодарасудитъ прекратить свиданіе.

По большей части такія сцены не имѣютъ никакой другой цѣли, какъ передать арестанту записку, подпалоку, или даже что нибудь совсѣмъ невпнное, или же шепнуть ему, какъ онъ долженъ

отвѣчать, на кого ссылаться для удостовѣренія alibi. Бываетъ также и наоборотъ, что арестантъ передаетъ незамѣтно какую-нибудь записку или какой-нибудь мелкій предметъ, или же съ своей стороны что-нибудь шепнетъ.

Авэ-Лялеманъ передаетъ случай, что сожительница одного арестанта во время поцѣлуя передала ему изъ своего рта въ ротъ золотую монету, которая затѣмъ послужила арестанту для подкупа тюремнаго надзирателя.

Тотъ же писатель совершенно справедливо указываетъ на опасную роль дѣтей, которыхъ родственники приводятъ съ собой, такъ какъ никто не придаетъ особаго значенія, если арестованный обнимаетъ и цѣлуетъ свое дитя болѣе продолжительное время, а между тѣмъ въ это время онъ успѣетъ свободно получить все, что передано для него ребенку.

Иногда, конечно, требуется особенная ловкость для того, чтобы взять что-либо или передать, но дѣло въ томъ, что всѣ болѣе опасные мошенники отличаются природною ловкостью, и каждому изъ нихъ присуща въ извѣстной мѣрѣ сноровка фокусника.

Позволю себѣ по этому поводу рассказать одинъ случай, хотя и изъ другой области, доказывающій, до какой степени можетъ дойти ловкость этихъ людей. Одинъ знакомый мнѣ полицейскій чиновникъ какъ-то увѣдомилъ меня, что у него имѣется нѣчто очень «любопытное». Я отправился и узналъ, что имъ задержанъ извѣстный карманный воръ, подлежащій выдачѣ какому-то заграничному суду. Задержанный нѣсколько прихварывалъ, полицейскій чиновникъ отнесся къ нему заботливо, и изъ благодарности тотъ обѣщалъ ему показать какой-то фокусъ. Въ виду этого, комиссаръ и пригласилъ меня. Фокусникъ оказался специалистомъ «по части прошенія огня для сигары». Онъ попросилъ меня, чтобы я положилъ во внутренній карманъ своего сюртука что-нибудь вродѣ бумажника, но чтобы сюртука своего при этомъ не застегивалъ. Затѣмъ я долженъ былъ закурить сигару и ему предложить такую же. Послѣ этого онъ взялъ себѣ на руку сложенное пальто, подошелъ ко мнѣ и, вѣжливо кланяясь, просилъ у меня огня для своей сигары. Я позволилъ ему закурить и, само собой разумѣется, при этомъ внимательно слѣдилъ за той маленькой книжкой, которую я вмѣсто бумажника положилъ въ карманъ сюртука. Все, что мнѣ удалось подмѣтить, было то, что фокусникъ закуривалъ сигару нѣсколько долго и при этомъ велъ себя нѣсколько принужденно. Именно, онъ дѣлалъ видъ, что сигара его плохо закуривалась, такъ что я дол-

жень былъ нѣсколько разъ втянуть въ себя дымъ своей сигары, какъ это дѣлается для того, чтобы сигара лучше закуривалась.

Наконецъ, сигара фокусника закуривалась, онъ опять поклонился мнѣ, отошелъ п... упомянутой книжки въ моемъ карманѣ уже не было. Онъ съумѣлъ подъ сложеннымъ на руку пальто дѣйствовать такъ ловко, что вытащилъ у меня изъ кармана книжку, при чемъ я не почувствовалъ ни малѣйшаго его прикосновенія. Для этого онъ отвлекалъ мое вниманіе своимъ неудачнымъ закуриваніемъ, хотя я и зналъ, что должно было произойти. Итакъ, если *этотъ* мошенникъ могъ совершенно незамѣтно взять что бы то ни было у своей жертвы, которая при этомъ была въ совершенно пассивномъ положеніи, то какъ легко возможна эта передача, если обнимаются два злоумышленника, взглядомъ, знакомъ, движеніемъ давая другъ другу понять, что нужно взять или получить!

Но если даже какой-нибудь проницательный С. С. и устранилъ опасность съ этой стороны, воспретивъ всякія объятія, поцѣлуи и т. п., то все-таки онъ не можетъ воспрепятствовать объясненіямъ посредствомъ знаковъ, взоровъ, жестовъ, которые, какъ бы они коротки и быстры ни были, все же могутъ заключать все нужное для даннаго момента слѣдствія: все успѣицъ, все остроуміе С. С. могутъ быть безвозвратно разрушены въ этотъ одинъ моментъ.

Къ этому же роду тайныхъ сношеній относятся и письма арестантовъ. Существованіе этой тайной переписки между ними не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что употребляющіяся для этого такъ называемыя симпатическія чернила практикуются и для цѣлей невиннаго свойства. Такими чернилами служатъ: растворы кобальтовой соли, окиси желѣса, мѣди и т. п., затѣмъ разведенная сѣрная кислота, молоко, моча и т. п. Изъ всѣхъ этихъ симпатическихъ чернилъ для насъ наименьшее значеніе имѣютъ тѣ, для писанія которыми или прочтенія писаннаго требуются тѣ или другія химическія средства. Затруднительно для арестованнаго добыть смѣсь соленокислой окиси кобальта и соленокислой закиси желѣза, чтобы писать, и затѣмъ отваръ чернильныхъ орѣшковъ, чтобы возстановить написанное.

Для насъ болѣе важны и опасны тѣ средства, которые легко могутъ проникнуть въ тюрьму контрабанднымъ путемъ, такъ: всѣ чернила, которыя становятся видимыми при согрѣваніи бумаги или при втираніи обугленной бумаги, пенла, золы и т. д. Напр. слова, написанныя растворомъ хлористаго кобальта, воспроизво-

дятся при слабом нагрѣваніи бумаги, у печки или зажженной свѣчкой. Если записка писана растворомъ гумми-араби, то достаточно немного отпаривать ее дыханіемъ и затѣмъ растереть по ней золой, пылью, пепломъ сожженной бумаги и т. п., вслѣдствіе чего все написанное выступитъ вполне ясно. Такъ какъ пыль и другія указанная средства проявленія найдутся въ каждой арестантской камерѣ, то заключенные такимъ путемъ могутъ получать всевозможныя сообщенія.

Особенно опасны тѣ чернила, которыя можно проявить и обезцвѣтить *не одинъ разъ*, такъ какъ арестантъ можетъ воспроизводить переданную ему записку, сколько разъ пожелаетъ, и кромѣ того будетъ дѣлать ими разныя отмѣтки, содержаніе которыхъ онъ можетъ забыть, для того, чтобы по желанію ихъ воспроизводить.

Такихъ чернилъ существуетъ не мало: самыя распространенныя, такъ называемыя чернила Видемана, состояются изъ 1 части льняного масла, 20 частей аммоніака въ жидкомъ видѣ и 100 частей воды. Эти чернила слѣдуетъ взбалтывать передъ каждымъ обмакиваніемъ, и написанное ими при высыханіи исчезаетъ, при каждомъ же смачиваніи вновь появляется.

Легко готовятся и потому часто встрѣчаются въ употребленіи чернила, получающіяся изъ раствора мѣди въ соляной кислотѣ, съ прибавленіемъ части селитряной кислоты; смѣсь эту слѣдуетъ разводить водой до тѣхъ поръ, пока написанное ею не станетъ не видно. При согрѣваніи бумаги, написанное вновь проявится отчетливо, принявъ темножелтый оттѣнокъ, и затѣмъ при остываніи исчезаетъ.

Тотъ же результатъ достигается солянокислымъ растворомъ кобальтовой закиси.

Всегда слѣдуетъ помнить о возможности такого письма и имѣть при этомъ въ виду, что по преимуществу оно помѣщается *между строками какого-нибудь невиннаго содержанія посланія*.

Контрабандныя письма такого рода, исходяція *отъ* арестантовъ, обыкновенно пишутся мочей или молокомъ, при согрѣваніи же или натираніи пылью написанное легко проявляется.

Точно также могутъ быть написаны письма растворомъ квасцовъ, который часто прописывается для полосканія при болѣзняхъ горла. А эти болѣзни легко могутъ быть симулированы арестантами. При согрѣваніи письменные знаки принимаютъ коричневую окраску. Такого же рода корреспонденціи существуютъ и въ самой тюрьмѣ между арестантами. Даже тамъ, гдѣ принимаются

вполнѣ разумныя мѣры предосторожности къ тому, чтобы арестантъ писалъ лишь подъ надзоромъ, выданная бумага незамѣтно замѣняется другой, ранѣ исписанной молокомъ, или даже во время самаго письма нѣсколько строкъ ловкіе арестанты успѣваютъ написать мочей.

Мнѣ извѣстенъ случай, въ которомъ одна арестантка, пользуясь минутами, когда не было надъ ней надзора во время писанія ею въ кабинетѣ начальника тюрьмы письма, обмакивала отточенную спичку въ молоко изъ собственной груди и выписывала имъ слова между строкъ письма. Противъ такихъ злоупотребленій имѣются два средства: всѣ письма, отсылаемые и получаемыя въ тюрьмѣ, предварительно основательно нагрѣвать (на плитѣ, передъ печью, или надъ зажженной лампой) или еще лучше, не допускать въ тюрьму и не отсылать изъ нея никакихъ писемъ.

Первое изъ этихъ средствъ я практиковалъ постоянно, второе же только по болѣе важнымъ дѣламъ. Всякое письмо, полученное на имя обвиняемаго, прочитывалось ему вслухъ и по его желанію даже нѣсколько разъ, но на руки не выдавалось, и о прочтеніи составлялся протоколъ, письмо же прилагалось къ дѣлу. Этимъ достигалось также и то, что никакая бумага не поступала въ руки арестованнаго, такъ какъ части писемъ (поля, свободныя отъ писаннаго мѣста) могли легко послужить для тайной корреспонденціи.

Съ тѣхъ же писемъ, которыя отсылались обвиняемому, по моему распоряженію снимались копіи, вѣрность которыхъ удостоверялъ своею подписью обвиняемый, подлинникъ приобщался къ дѣлу, копія же отсылалась на почту. Но и при такихъ предосторожностяхъ не всегда удается предупредить обманъ, какъ доказалъ мнѣ слѣдующій весьма поучительный случай изъ моей практики. Владѣлецъ небольшой лѣсной дачи былъ заподозрѣнъ въ систематической продажѣ за границу завѣдомо краденыхъ вещей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и въ большомъ количествѣ. Онъ былъ подвергнутъ личному задержанію, жена же его оставлена на свободѣ, такъ какъ уличалась лишь въ знаніи о преступной дѣятельности мужа и, какъ имѣвшая много малолѣтнихъ дѣтей, не вызвала подозрѣнія въ возможности уклоненія отъ суда.

Задержанный, при первомъ допросѣ, упорно оспаривалъ свою виновность и усиленно просилъ меня разрѣшить ему свиданіе съ женой, которая и была мною вызвана. Мнѣ, однако, показалась подозрительною эта настойчивость его просьбы, поэтому я отказалъ

ему въ свиданіи, объявивъ, что согласенъ передать его женѣ все, что онъ имѣеть сообщить. Послѣ долгихъ колебаній, онъ просилъ меня передать его женѣ такъ: «пусть хорошо кормитъ быковъ, какъ это и дѣлалъ онъ до сихъ поръ, и теперь пусть она позаботится о томъ, чтобы быки получали хорошій кормъ». Эти безвредныя слова я и передалъ женѣ его, которая затѣмъ поѣхала домой.

Но это меня все-таки заинтересовало, и я въ тотъ же день послалъ жандарма дознаться, есть ли вообще быки у обвиняемаго. Дознаніе это выяснило: «имѣются три козы и загнанная лошадь, на которой обвиняемый возилъ краденое имущество; быковъ же не имѣется и никогда не было».

Не было сомнѣнія, что я былъ обманутъ и самъ же передалъ женѣ обвиняемаго сообщеніе, имѣвшее, очевидно, иной смыслъ и существенное значеніе для успѣха розысковъ. Разгадки этихъ словъ и добиться тогда не могъ и ничего другого мнѣ не оставалось, какъ усугубить свое вниманіе и тщательность и тѣмъ поправить сдѣланную ошибку.

Долгое время спустя, уже по окончаніи слѣдствія, мною была арестована дѣвушка, выросшая между цыганами и до тонкости изучившая искусство воровства. Она меня очень заинтересовала, такъ какъ я предположилъ, что она, будучи ребенкомъ, похищена была цыганами, и въ этомъ направленіи я сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ нѣсколькихъ дознаній, къ несчастью не имѣвшихъ успѣха. Дѣвушка, изъ благодарности за оказанное ей мною сочувствіе, сообщила мнѣ множество интересныхъ вещей, о которыхъ я и понятія не имѣлъ, и которыя впоследствии нашли себѣ полное подтвержденіе (напр. о различныхъ приемахъ цыганъ при совершеніи кражъ, при перекочевкахъ, при развѣдкахъ, для укрывательства отъ преслѣдованія, о способѣ взаимныхъ объясненій, а также много цыганскихъ словъ). Между прочимъ я спросилъ дѣвушку, что это значитъ: «кормитъ быковъ» и получилъ отвѣтъ: «солгать передъ судомъ и ни въ чемъ не сознаваться».

Смыслъ вышеприведенныхъ словъ обвиняемаго, слѣдовательно, былъ таковъ: «я ни въ чемъ не сознался, такъ и ты ни подъ какимъ условіемъ ни въ чемъ не сознавайся».

Подобныя скрытыя намеки въ письмахъ злоумышленниковъ бываютъ многочисленны.—Фразы, заключающія въ себѣ иной, скрытый смыслъ, о которыхъ сообщаетъ Ферріани («рубаха» вмѣсто денегъ, «добрый другъ» вмѣсто лжесвидѣтеля и пр.), достаточно извѣстны каждому изъ насъ. Чтобы избѣгнуть опасностей, возни-

кающихъ вслѣдствіе такой переписки, слѣдуетъ сообщать по принадлежности лишь общій смыслъ такихъ писемъ,—хотя и эта мѣра не гарантируетъ отъ недосмотра.

Другой способъ объясненій между злоумышленниками состоитъ въ втискиваніи или вбиваніи въ дерево извѣстныхъ буквъ шрифта. Если, напр., на гладкомъ деревѣ втиснуть достаточно глубоко буквы (слово или даже фразу) и затѣмъ острымъ пожомъ или еще лучше стекломъ выскоблить (не очень сильно) это мѣсто такъ, чтобы буквы стали незамѣтны, то весьма легко ихъ вновь возстановить: стоитъ только вымочить дерево. Это объясняется тѣмъ, что древесныя волокна при вбиваніи буквъ сплскиваются, хотя и незамѣтно для глазъ. Если же все это мѣсто смочено, то волокна набухаютъ и буквы дѣлаются отчетливо ясными. Для этой цѣли пригодно каждое дерево, лучше всего, конечно, дерево съ тонкой древесиной (напр. липа, клѣнъ, ольха, груша). Такимъ образомъ необходимо осматривать *каждую* деревянную вещь, передаваемую арестанту, напр. крышки ручныхъ зеркальцевъ, рукоятки щетокъ, деревянные гребенки, ручки всякихъ орудій, ложки и пр.

Такія вбитыя буквы между прочимъ наблюдали на деревянной ложкѣ; обнаружилось это, когда ложки опускались въ миску съ супомъ. Лицо, принесшее эту ложку, утверждало, что арестованный очень «привыкъ» къ этой ложкѣ, и тюремная администрація, ничего не подозревая, не воспрепятствовала передать ложки.

Упомяну еще объ одномъ способѣ объясненій. По одному крупному дѣлу было арестовано 28 человекъ и, такъ какъ помѣщеніе тюрьмы не было достаточно обширно, то скоро обнаружилось, что между обвиняемыми возникла взаимная корреспонденція. Это очень вредило дѣлу, и я просилъ о назначеніи военнаго караула, и вотъ въ коридорахъ тюрьмы днемъ и ночью стали расхаживать взадъ и впередъ солдаты. Однако черезъ нѣсколько дней по отвѣтамъ многихъ арестованныхъ я обнаружилъ, что между ними продолжались сношенія. Тогда усиленнымъ наблюденіемъ начальнику тюрьмы удалось выяснить, что въ то время, когда солдатъ прохаживался мимо запертыхъ камеръ, изъ окошекъ, устроенныхъ въ дверяхъ (для наблюденій) и всегда полуоткрытыхъ, высывались руки и клала солдату на ранецъ, находящійся за спиной его, «что-то»; такимъ порядкомъ: какъ только солдатъ миновалъ дверь одной камеры, высывалась рука и клала ему на ранецъ «что-то», когда же ничего не замѣчавшій солдатъ миновалъ дверь слѣдующей камеры, изъ окна ея другая рука снимала «что-то»:

такъ солдаты, ничего не подозрѣвая, разосили по камерамъ корреспонденцію. Эта послѣдняя, за немѣнимъ бумаги, производилась на полотняныхъ тряпкахъ, которыя отрывались арестантами отъ рубахъ. Единственный же имѣвшійся у нихъ карандашъ препровождался при каждой тряпкѣ.

с) Знаки, по которымъ преступники узнаютъ другъ друга.

(*Kenntzeichen*).

Эти знаки представляютъ собой нѣчто замѣчательное по своей интернаціональности и служатъ для того, чтобы одинъ преступникъ тотчасъ же узнавалъ своего товарища по ремеслу.

Гдѣ бы ни встрѣтились два злоумышленника, въ гостинницѣ, на базарѣ, въ церкви, въ вагонѣ желѣзной дороги, или въ тюрьмѣ, для нихъ представляется дѣломъ первой важности, какъ можно скорѣе узнать другъ друга, чтобы или дѣйствовать сообща, или убѣдиться въ томъ, что имъ другъ друга нечего опасаться, или чтобы не потратить даромъ времени, если одинъ изъ нихъ станетъ оперировать надъ другомъ, какъ надъ жертвой.

Для С. С. достаточно знать, что такіе знаки существуютъ между мошенниками и примѣняются ими еще съ той поры, когда появились мошенники. Если же С. С. не знаетъ объ этомъ, то нѣкоторыя преступленія для него будутъ совершенно загадочными.

Положимъ напр., что кто нибудь обвиняется въ покушеніи на кражу въ вагонѣ желѣзной дороги у пассажира. Обвиняемый оправдывается тѣмъ, что это совершенно невозможно, такъ какъ напротивъ сидѣлъ изящно одѣтый господинъ, который долженъ былъ видѣть все происходившее и передъ глазами котораго невозможно было рѣшиться на кражу. Этотъ господинъ будто бы уѣхалъ не-извѣстно куда, но онъ никакимъ образомъ не могъ быть сообщникомъ, потому что сѣлъ въ поѣздъ полсутками ранѣе, чѣмъ обвиняемый. Можно было бы повѣрить этому разсказу, если бы только не было извѣстно, что достаточно только движенія руки, сдѣланнаго этимъ другимъ лицомъ, чтобы первый тотчасъ же видѣлъ, что имъ бояться другъ друга нечего.

Или напр.: одинъ мошенникъ въ какомъ нибудь ресторанѣ продаетъ фальшивый драгоценный камень за настоящій и утверждаетъ, что онъ вполне увѣренъ въ неподдѣльности этого камня, тѣмъ болѣе, что «два постороннихъ господина», присутствовавшіе при продажѣ, были въ восхищеніи отъ этой вещи и сожалѣли, что ранѣе

не купили ея. Несомнѣнно, что эти два господина были посторонніе, но въ то же время несомнѣнно и то, что они хорошо объяснились съ мошенникомъ посредствомъ какого нибудь знака.

Такимъ же способомъ находятъ другъ друга шулера, особенно въ гостиницахъ, на базарныхъ площадяхъ и въ базарные дни, немедленно оказывая другъ другу помощь, хотя бы ранѣе они знакомы и не были. Они играютъ сначала одинъ съ другимъ вполне честно, выигрываетъ то одинъ, то другой: это производитъ хорошее впечатлѣніе и подкупаетъ довѣріе публики. Или же они дѣлаютъ такъ: играютъ другъ съ другомъ въ игру, основанную на отгадываніи карты, и тотъ, который «отгадываетъ», по большей части отгадываетъ удачно, хотя партнеръ его увѣряетъ, что это «рѣшительно невозможно». Они играютъ только «для развлечения», но когда стоящіе кругомъ, увлекшись, принимаютъ участіе, то игра ведется уже на деньги; крестьянинъ ставитъ свои заработанныя въ потѣ лица деньги, отгадываетъ неудачно и проигрываетъ.—Или же одинъ шулеръ участвуетъ въ игрѣ, а другой стоитъ сзади его партнера и знакамъ показываетъ ему, какія у партнера карты.

Во всякомъ случаѣ эти знаки даютъ имъ возможность избѣжать взаимныхъ попытокъ обмануть въ невѣдѣніи одинъ другого. Знаковъ такихъ существуетъ довольно много: для насъ самые важные изъ нихъ два ¹⁾, изъ которыхъ первый (рис. 33) чаще встрѣчается на сѣверѣ, а второй (рис. 34) — на югѣ. Оба они извѣстны шулерамъ всего земного шара и при томъ съ давнихъ временъ.

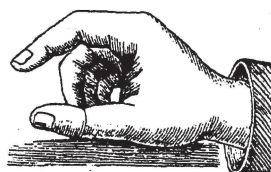

Рис. 33.

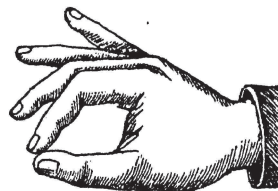

Рис. 34.

Такое расположеніе пальцевъ — весьма обыкновенно и невѣдущій человѣкъ не долженъ обратить на нихъ вниманіе.—Знающій же объ этихъ знакахъ сумѣетъ отличить ихъ отъ случайныхъ расположеній пальцевъ, такъ какъ они сохраняются въ принятомъ по-

¹⁾ У народовъ романскихъ (именно у итальянскихъ и французскихъ мошенниковъ) существуетъ особенно большое количество такихъ знаковъ; такъ Питрэ („Lombrosos Archiv“ IX 1888 г.) собралъ 48 сложныхъ знаковъ итальянскихъ преступниковъ.

ложеніи сравнительно продолжительное время. Знающій человекъ, дѣлая такой же знакъ, тѣмъ даетъ понять, что знакъ понятъ, и такимъ образомъ союзъ заключенъ.

Знаніе о существованіи такихъ знаковъ можетъ повести къ разъясненію многочисленныхъ преступленій, кажущихся совершенно загадочными вслѣдствіе отсутствія въ дѣлѣ третьяго лица, между тѣмъ какъ таковое лицо по обстановкѣ событія является безусловно необходимымъ.

Важное значеніе въ практикѣ шулеровъ имѣетъ также особый взглядъ, состоящій въ томъ, что шулеръ закрываетъ одинъ глазъ, другимъ же смотритъ черезъ носъ,—взглядъ, встрѣчаемый иногда и въ обыденной жизни, гдѣ онъ примѣняется для шутки. Для шулеровъ же этотъ взглядъ часто служитъ поводомъ къ болѣе или менѣе продолжительнымъ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что «дружескія отношенія» между шулерами обыкновенно не могутъ слишкомъ долго продолжаться. Прежде всего самое ремесло ихъ заключаетъ въ себѣ много поводовъ къ ссорамъ и прекращенію между ними хорошихъ отношеній: дѣлежъ добычи, боязнь измѣны, разногласія при совершеніи преступленія, зависть къ болѣе ловкому товарищу, раздраженіе вслѣдствіе неловкости другого, и т. п. Часто они разлучаются при неудачѣ кого-либо изъ нихъ, или вслѣдствіе ареста, или по другимъ случайностямъ. Наконецъ, для нихъ крайне рискованно поддерживать видимыя близкія отношенія другъ къ другу, такъ какъ дружба людей, состоящихъ на плохомъ счету у властей, всегда ведетъ къ усиленію за ними надзора, стѣсняющаго имъ свободу дѣйствій. Всѣмъ этимъ объясняется, почему въ личныхъ отношеніяхъ мошенниковъ наблюдается постоянная перемѣна: они сходятся для одного, двухъ предпріятій, дѣлать опасности, добычу, соблюдая полную тайну, и затѣмъ расходятся навсегда. Вотъ почему они постоянно нуждаются въ новыхъ соучастникахъ и при нѣкоторой сноровкѣ легко находятъ таковыхъ. Люди, преслѣдующіе въ жизни опредѣленныя цѣли, хорошія или дурныя, вообще легко находятъ другъ друга, такъ сказать инстинктивно. Причина этого лежитъ въ способности человека къ самопознанію: каждый въ той или иной мѣрѣ знаетъ личныя свои качества и легко обнаруживаетъ ихъ у другихъ. Кто дѣлалъ въ этомъ отношеніи наблюденія, тотъ скоро замѣчалъ, что страстные охотники такъ же скоро находятъ другъ друга, какъ и педерасты, шахматные игроки, любители древностей: ученые изслѣдователи такъ же быстро знакомятся другъ съ другомъ, какъ и кутилы и азартные игроки. Также точно и мошенники среди

сотни честныхъ лицъ отличить себѣ подобнаго: довольно имъ встрѣтиться взглядами, и въ ту же ночь совершается кража со взломомъ, въ которой каждый изъ нихъ ставитъ на карту свою свободу и каждый безусловно при этомъ увѣренъ въ самоотверженной помощи только что приобретеннаго товарища.

Живо припоминаю я по этому поводу одно дѣло о кражѣ со взломомъ, въ которомъ полиція высказала предположеніе, что по обстановкѣ совершенія кражи въ ней долженъ быть заподозрѣнъ одинъ извѣстный воръ (всегда употреблявшій одни приемы), но онъ освобожденъ изъ тюрьмы лишь за день до кражи и въ это короткое время, конечно, не могъ подобрать троицъ или четверыхъ товарищей, участіе которыхъ было безусловно необходимо для совершенія кражи. Поэтому онъ былъ оставленъ на свободѣ, и только долго спустя оказалось, что онъ и былъ зачинщикомъ этой кражи и, какъ показалъ одинъ изъ участниковъ, завербовалъ себѣ ихъ, товарищей, лишь однимъ «воровскимъ взглядомъ».

а) Знаки акустическіе.

Такіе знаки употребляются въ самой разнообразной формѣ, а именно:

а) *призывъ и предостереженіе.*

Призывные оклики почти исключительно представляютъ подражаніе крику какого-нибудь животнаго, преимущественно ночного. Весьма понятно, что люди, совершающіе нападеніе на домъ или засѣвшіе въ засадѣ, не могутъ называть другъ друга по имени или прозвищу, крикъ же животнаго, удачно воспроизводимый, съ одной стороны нисколько неопасенъ и неподозрителенъ и съ другой также хорошо можетъ замѣнить призывъ по имени.

Обыкновенно подражаютъ крику пѣтуха, перепела, вблизи же рѣки и т. п. крику лягушекъ, чаще же всего крику совы. Совы встрѣчаются вездѣ: въ лѣсу и въ поляхъ, въ горныхъ мѣстностяхъ и болотистыхъ, какъ вблизи обитаемыхъ жилищъ, такъ и въ безлюдной мѣстности, отъ вечерней зари и до утренней, и поэтому крикъ ихъ никогда не можетъ наводить на подозрѣніе и примѣняется даже охотниками для окликанія другъ друга въ лѣсу. Животныя не пугаются этого крика, люди же питаютъ къ нему какой-то суевѣрный страхъ и скорѣе затыкаютъ уши, нежели карманы. Смотря по разстоянію окликающихся, употребляется крикъ

маленькой совушки (*Pisorhina scops*) или же филина (*Athene noctua*). Первый состоит из двух продолжительных, вибрирующих и слѣдующих одинъ за другимъ безъ перерыва свистовъ приблизительно такъ, какъ изображено на 1-й строкѣ (рис. 35). При болѣе отдаленныхъ разстояніяхъ свистъ замѣняютъ крикомъ приблизительно соотвѣтственно звукамъ, изображеннымъ на 2-й строкѣ (рис. 35), и получается весьма похожій крикъ филина.

Для С. С. иногда эти звуки имѣютъ значеніе, если напр. необходимо выяснитъ, произошло ли вооруженное нападеніе въ лѣсу, или кража при участіи сообщниковъ; въ этомъ случаѣ можно допросомъ свидѣтелей установить, былъ ли незадолго до совершенія преступленія или послѣ него особенный крикъ совы, и въ случаяхъ особой важности затѣмъ провѣрить, дѣйствительно ли около мѣста преступленія проживаетъ настоящая сова.

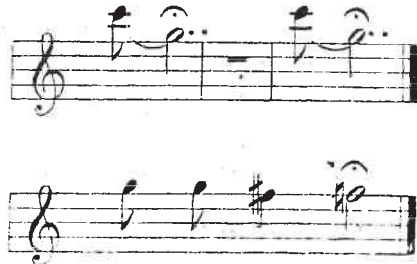

Рис. 35. Ю - ху - ху - хуууъ.
Условные звуки преступниковъ.

Крики для предостереженія употребляются самые разнообразные, такъ какъ обыкновенно имѣютъ мѣсто въ случаяхъ, когда дѣло не удалось и остается только думать о бѣгствѣ. Какой-нибудь свистъ, хлопаніе въ ладоши, откашливаніе—всего этого довольно, чтобы дать знать товарищу о приближеніи опасности.

Кромѣ того, только въ такомъ смыслѣ употребляются нѣкоторыя слова, напр. въ Средней Германіи «Lampren», «Heraus» и «Lewon». Значеніе этихъ словъ ясно только отчасти: окликъ «Lampren» обозначаетъ приближеніе сторожей, полицейскихъ, военныхъ и т. п., т. е. «знающихъ» (по Аве-Лялеману—отъ *Lambden*, еврейское *Lomad*—онъ знаетъ, откуда *Lambdon*—ученый, надсмотрщикъ). Замѣчательна—этимологическая связь между «Lewon» и «Mondshein» (свѣтъ луны): *Lewon* по еврейски—бѣлый, блестящій, и также *Lewono*—луна.

Въ Южной Германіи употребляются вмѣсто этихъ словъ «Gallon» и въ альпійскихъ мѣстностяхъ «Putz». На жаргонѣ мошенниковъ «Gallon» означаетъ луну, свѣтъ луны.

«Putz, Butze, Putzemann» есть старинное нѣмецкое слово и означаетъ закутанную неузнаваемую личность, демона, злого духа, домового и также человѣка въ лунномъ свѣтѣ (*den Mann im Monde*).

Одинъ старикъ, сторожъ сельской общины и бывшій жандармъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ разъ на сельской ярмаркѣ, на которую обыкновенно собирались всякаго рода мошенники, подбучилъ нѣсколькихъ мальчиковъ, наиболѣе голосистыхъ, въ извѣстное время сразу кричать на площади въ разныхъ пунктахъ: «Putz идетъ», и было крайне смѣшно видѣть, какъ немалое число лицъ мужского и женскаго пола, по внѣшности довольно порядочныхъ, спѣшили скрыться изъ толпы.

Почему именно луна играетъ такую роль въ окрикахъ мошенниковъ, можно объяснить развѣ тѣмъ, что вся дѣятельность ихъ преимущественно совершается ночью при лунномъ свѣтѣ.

β) акустическіе знаки въ тюрьмахъ.

Такіе знаки болѣе распространены въ тюрьмахъ и болѣе опасны для правосудія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Большею частью считаютъ невозможнымъ, чтобы арестанты дѣлали другъ другу продолжительныя и точныя сообщенія, полагая, что если они и обмѣниваются, то лишь мелочами, и объ этой сторонѣ дѣла не беспокоятся. Но кто такъ думаетъ, тотъ или никогда не наблюдалъ, какіе могутъ быть результаты переговоровъ подслѣдственныхъ арестантовъ, или же тотъ обманываетъ самъ себя.

Пусть только вдумаются въ положеніе арестанта, который, находясь день за днемъ въ полномъ уединеніи лишь съ самимъ собой, все думаетъ о важнѣйшемъ для него, о своемъ «дѣлѣ», который знаетъ, что только его личное благоразуміе и способъ оправданія могутъ ему помочь, и поэтому прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы или какъ-нибудь объясниться съ задержаннымъ соучастникомъ своимъ и предупредить разнорѣчія въ показаніяхъ, или же уговорить другого арестанта, которому истекаетъ срокъ заключенія, чтобы этотъ послѣдній добылъ ему свидѣтелей для доказательства его alibi, принялъ мѣры къ уничтоженію слѣдовъ преступленія и скрылъ въ болѣе надежномъ мѣстѣ *corpora delicti*.

Конечно, не велика опасность, если крестьянскій парень, обвиняемый въ недозволенной охотѣ, вступить въ бесѣду съ какимъ-ниб. буйномъ, обвиняемымъ въ дракѣ, но совсѣмъ другое дѣло, если мы имѣемъ передъ собой закоренѣлыхъ преступниковъ, изобличеніе и осужденіе которыхъ будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для общества, такъ какъ вся жизнь этихъ людей направлена къ тому, чтобы пользоваться незаконно пріобрѣтаемыми благами и всѣми средствами

избѣгать заслуженной кары. Между тѣмъ, эти люди умѣютъ столкнуться другъ съ другомъ посредствомъ ничтожнѣйшихъ знаковъ и всѣ силы устремляютъ къ тому, чтобы осуществить эти знаки и войти другъ съ другомъ въ сношенія.

Стоить только непродолжительное время понаблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ тюрьмахъ. Около дверей и оконъ, днемъ и ночью, на прогулкахъ и въ камерахъ выкрикиваются арестантами какіе-то нечленораздѣльные звуки, слова, цифры; на нихъ отвѣчаютъ, и, по видимому, всѣ понимаютъ другъ друга, иначе они не продолжали бы такой забавы. Рассказываютъ нѣсколько весьма любопытныхъ случаевъ объясненій такого рода. Одинъ арестантъ прикинулся сумасшедшимъ и сталъ выкрикивать какія-то цифры, въ другомъ этажѣ нашелся другой, который сталъ ему подражать. Впоследствии оказалось, что эти цифры служили лишь способомъ для переговоровъ.

Въ другой тюрьмѣ содержались два еврея, которые были очень набожны и каждый день пѣли псалмы на своемъ языкѣ, но почему-то они не пѣли никогда въ одно время, «чтобы не мѣшать другъ другу»; долго спустя и совершенно случайно обнаружилось, что они пропѣли другъ другу о всѣхъ обстоятельствахъ взводимого на нихъ обвиненія и такимъ образомъ они сообщили другъ другу все, что нужно.

Арестантъ, который поетъ, оставляется обыкновенно въ покоѣ: предполагается въ немъ даже нѣкоторое довольство положеніемъ или по крайней мѣрѣ отсутствіе поводовъ къ жалобамъ. На самомъ дѣлѣ не такъ, и если бы С. С. обратилъ вниманіе на содержаніе этихъ пѣсенъ, то онъ былъ бы удивленъ, найдя, что матеріалъ для нихъ заимствуется исключительно изъ слѣдственного производства. Сигналы и подчасъ довольно серьезные подаются также высвистываніемъ, чѣмъ легко вызываются дальнѣйшія объясненія.

Всякому извѣстно, какъ распространены между арестантами объясненія посредствомъ постукиваній. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ стали такъ злоупотреблять этимъ, что пришлось устроить въ стѣнахъ дорого стоящія приспособленія. Строили тройныя стѣны по т. наз. Шекской системѣ, а Авэ-Лялеманъ рассказываетъ даже, что въ Веймарской тюрьмѣ въ корридорахъ были поставлены башенные часы для того, чтобы стукомъ маятника прекратить возможность такихъ объясненій. Въ тюрьмахъ же Венеціи устроены были однажды во всѣхъ корридорахъ трещетки, которыя дѣйствовали непрерывно благодаря дѣйствию часового механизма. Самый любопыт-

ный примѣръ такихъ «постукиваній» представляетъ исторія несчастнаго Франца ф. Шпаунъ, содержавшагося въ теченіе 10-ти лѣтъ въ качествѣ «опаснаго для государства челоуѣка» въ Мункачской и Куфштейнской тюрьмахъ, въ концѣ прошлаго столѣтія. Узнавъ, что въ сосѣдней камерѣ содержится французъ М. (впослѣдствіи герцогъ и министр), онъ сталъ искать способовъ вступить съ нимъ въ бесѣду. Въ началѣ онъ безчисленное число разъ простучалъ въ смежную стѣну по 24 раза, пока, наконецъ, сосѣдъ не догадался, что это число означаетъ число буквъ французскаго алфавита, и не отвѣтилъ тѣмъ же. Тогда Шпаунъ началъ стучать послѣдовательно по разу, по два, по три раза, давая этимъ понять, что онъ выстукиваетъ буквы алфавита по порядку, сосѣдъ отвѣтилъ тѣмъ же, и въ короткое время они уже понимали другъ друга и объяснялись. М. былъ освобожденъ ранѣе Шпауна, вспомнилъ о товарищѣ и выхлопоталъ ему пенсію. Рассказываютъ, что Шпаунъ посѣтилъ М. въ Мюнхенѣ и у двери его сталъ выстукивать старые звуки: М. вскричалъ: *C'est Spaun, ou le diable.*

Авэ-Лялеманъ утверждаетъ, что теперь въ тюрьмахъ при постукиваніяхъ примѣняется система телеграфа Морзе, состоящая, какъ извѣстно, въ томъ, что каждая буква алфавита выстукивается путемъ различныхъ сочетаній длиннаго и короткаго удара, при чемъ соотвѣтственно удару получаютъ короткія (точки) и длинныя черточки на бумагѣ. Удары при этомъ могутъ производиться самымъ разнообразнымъ способомъ, напр. короткій ударъ производится пальцемъ, длинный—кулакомъ. Если же постукиванія производятся ложкой, палкой, доской, сапогомъ и т. п., то короткій отрывистый ударъ обозначаетъ точку, а протяжный ударъ—черту.

Если принять въ соображеніе, какое огромное количество людей, кромѣ телеграфистовъ: служащіе на станціяхъ, линейные сторожа, желѣзнодорожные рабочіе и т. д. знакомы съ телеграфной азбукой или по меньшей мѣрѣ имѣютъ возможность узнать систему ея хотя бы до нѣкоторой степени, и если припомнить, что знаки этой азбуки имѣются въ каждомъ учебникѣ физики, то станетъ понятнымъ, что нынѣ въ каждой тюрьмѣ могутъ съ успѣхомъ переговариваться «по системѣ Морзе».

Я, впрочемъ, не имѣлъ случая убѣдиться въ томъ, чтобы именно эта система примѣнялась въ камерахъ, хотя постукиваніе вообще практиковалось вездѣ: быть можетъ, я не былъ въ состояніи прослѣдить съ нужной быстротой образованіе изъ отдѣльныхъ постукиваній каждой буквы. Поэтому я дѣлалъ распоряженіе, чтобы над-

зиратели и сторожа, если услышать это постукиваніе, сами начинали стучать, чтобы этимъ сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшія объясненія. Конечно, съ появленіемъ каждаго новаго арестанта приходилось возобновлять этотъ пріемъ, но весьма скоро удавалось приводить постукивающихъ въ состояніе полного недоумѣнія и тѣмъ прекращать ихъ сношенія.

Очень часто происходятъ объясненія между арестантами, находящимися въ одномъ этажѣ, такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ, ложась на полъ, медленно и четко говоритъ вдоль пола. Если другой арестантъ, хотя бы и въ отдаленной камерѣ, ляжетъ также на полъ и приложитъ ухо къ полу, то онъ хорошо услышитъ сказанное. Но этотъ способъ во всякомъ случаѣ требуетъ предварительнаго уговора между сносящимися — въ особенности относительно времени переговоровъ.

Такія объясненія вполне возможны: слѣдуетъ только припомнить, какъ далеко слышенъ гулъ пушечной пальбы, топотъ лошадей, шаги людей и т. д., если прижать ухо къ землѣ. Сказанное легко можетъ быть удостовѣрено каждымъ въ его домѣ. Особенно успѣшны такіе переговоры, если сообщающіеся: одинъ говорящій прикладываетъ губы къ трубѣ (водопроводной, газовой, вентиляционной или отъ центрального отопленія), а слушающій прикладываетъ къ нимъ свое ухо.

Во многихъ тюрьмахъ, наконецъ, имѣются такія мѣста, съ которыхъ можно сообщаться на значительныхъ разстояніяхъ при помощи отраженія звуковъ.—Небезъизвѣстно явленіе, наблюдаемое въ храмахъ, катакомбахъ, нѣкоторыхъ галлерейхъ и т. п. помѣщеніяхъ съ параболическими сводами и заключающееся въ томъ, что отъ одного фокуса эллипса можно говорить къ другому фокусу, такъ что стоящій между фокусами ничего не услышитъ. Этими явленіями пользуются арестанты и говорятъ лицомъ къ сводчатой стѣнѣ или своду и такимъ способомъ они ведутъ объясненія на большое разстояніе, тогда какъ посторонніе ничего не слышатъ. Арестанты прекрасно знаютъ эти фокусы, между тѣмъ какъ изъ тюремной стражи они извѣстны весьма немногимъ.

е) Клейма (*Slichener Zinken*).

Подъ этимъ словомъ слѣдуетъ понимать тѣ знаки, которые вкладуются преступниками на избѣнившихъ имъ товарищахъ. Въ древнія времена доносчики или избѣнники просто убивались, или

предварительно подвергались истязаніямъ. Позднѣ ихъ избивали до полусмерти и на одной изъ щекъ, а часто на обѣихъ дѣлали вертикальный надрѣзъ.

Всякія рѣзаныя раны хорошо и скоро заживають, если только края раны тщательно зашиты. При отсутствіи же такого ухода на мѣстѣ раны остается широкій приподнятый рубецъ, долго сохраняющій красный цвѣтъ. Рубецъ этотъ предостерегаетъ другихъ злоумышленниковъ отъ ненадежнаго товарища. Долженъ обращать свое вниманіе и С. С., если видитъ такой рубецъ на щекѣ преступника. Утверждаютъ, что нынѣ такіе рубцы уже не встрѣчаются, и Авэ-Лялеманъ помнитъ только одного такого старика еврея съ описанной помѣткой. Въ Австріи однако обычай этотъ еще существуетъ въ особенности между цыганами, въ чемъ я убѣдился на моей практикѣ. Тѣмъ не менѣ къ объясненіямъ «отмѣченныхъ» о происхожденіи такихъ знаковъ слѣдуетъ относиться съ сомнѣніемъ, какъ показываетъ слѣдующій случай.

Вблизи венгерской границы имѣется слѣдственный участокъ, изобилующій преступленіями, совершаемыми цыганами. Вслѣдствіе этого около самой границы былъ учрежденъ полицейскій постъ, ввѣренный пожилому, ревностному и при томъ интеллигентному человѣку, изъ котораго затѣмъ выработался прекрасный знатокъ цыганскаго быта. Какъ цыганъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, по какимъ дорогамъ, гдѣ совершаетъ кражи, какъ онъ высматриваетъ сначала мѣсто преступленія, какія беретъ орудія, какъ скрывается, гдѣ сбываетъ похищенное, всѣ эти приемы цыганъ до такой степени хорошо были извѣстны полицейскому чиновнику, что какъ будто онъ самъ жилъ съ ними. Весьма понятно, что и цыгане хорошо знали этого полиціанта и весьма боялись его, преступленія прекратились и жандарма перевели въ другую мѣстность, гдѣ также бродяжничали цыгане.

Къ такому-то жандарму явился однажды цыганъ, разными средствами старался пріобрѣсти его довѣріе и, наконецъ, показалъ ему на свѣжій рубецъ на своей щекѣ, объяснивъ, что эта помѣтка положена ему товарищами за измѣну. Изъ мести онъ желаетъ де стать настоящимъ измѣнникомъ, почему и предложилъ жандарму свои услуги, какъ шпиона. Жандармъ принялъ его предложеніе, цыганъ оказался смѣтливымъ и надежнымъ, и жандармъ получалъ свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ кражъ и другихъ преступленій ранѣ ихъ совершенія. Жандармъ однако постоянно являлся на мѣсто преступленія поздно и при розыскѣ похищеннаго имущества всегда находилъ только менѣ

цѣнныя вещи, но въ этомъ, какъ казалось, нельзя было винить цыгана.

Затѣмъ выяснилось, однако, что удивительнымъ образомъ всегда, когда цыганъ доносилъ жандарму о времени задуманной кражи, въ тѣ же часы, одновременно съ первой, совершалась вдалекѣ другая кража, болѣе серьезная и на болѣе крупную сумму. Однимъ словомъ обнаружилось, что цыганъ все время обманывалъ жандарма и съ этой цѣлью умышленно причинилъ себѣ рану въ щеку; онъ оказывалъ своимъ соплеменникамъ важную услугу, направляя жандарма въ какое нибудь мѣсто для того, чтобы въ другомъ безпрепятственно можно было совершить серьезную кражу.

Но въ моей практикѣ былъ случай, что однажды одинъ изъ воровъ соучастниковъ донесъ полиціи о задуманномъ преступленіи; черезъ нѣсколько лѣтъ я встрѣтилъ этого доносчика съ большимъ рубцомъ на правой щекѣ. Былъ ли этотъ рубецъ полученъ за этотъ доносъ, я не знаю, но думаю, что это—такъ.

Въ каждомъ такомъ случаѣ я рекомендую быть особенно осторожнымъ: въ какомъ направленіи должно направлять свое зоркое вниманіе, конечно, опредѣляется обстоятельствами случая.